

PK-XFY-3

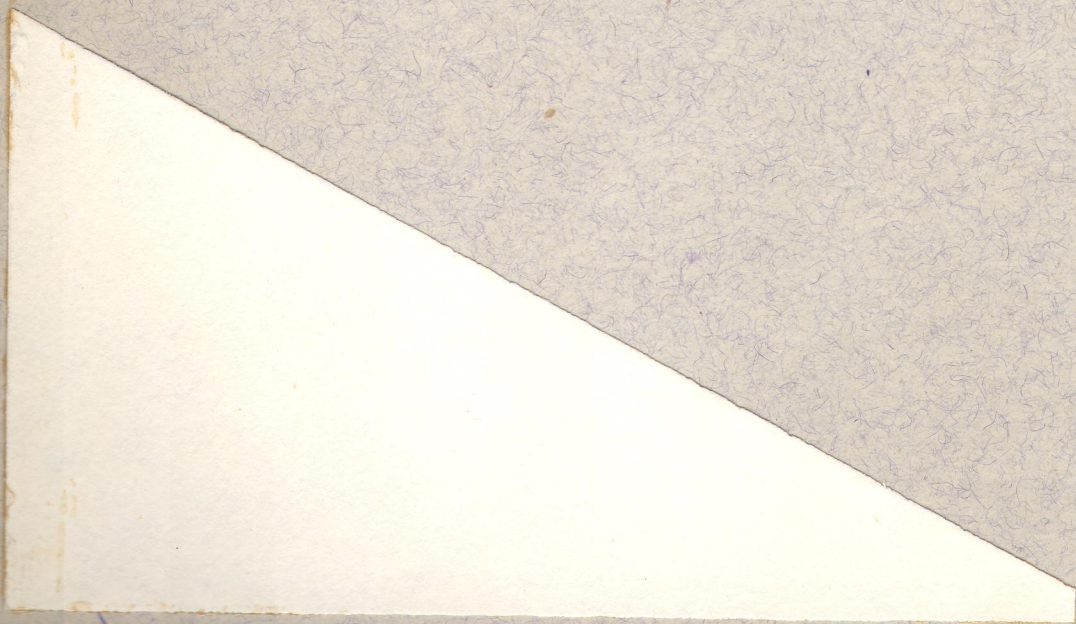
196656-42

196656-yr
E-653-3

Р. 6656

196656-yr

1-018

9(09)

пр. 1937.

15-147

Профессоръ Д. И. Багал'й.

18-19

нов

32

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ

Лекціи, читанныя въ Харьковскомъ Университетѣ.

ТОМЪ I.

Издание Студентовъ Историко-филологическаго факультета.

ХАРЬКОВЪ.

Типо-литографія С. Иванченко, Костюринскій пер 2.
1907 г.

Geography of the United States

SECRET

NOT TO BE REPRODUCED

FOR THE UNITED STATES GOVERNMENT

TOME I

Physical Geography of the United States

APPENDIX

C

Русская историография.

Лекции проф. Багалая.

§1. Определение и краткий обзор историографических трудов.

Историографией называется вспомогательная научная дисциплина, занимающаяся, с одной стороны, обзором различного вида источников, т.е. летописей, хронографов, житий святых, актов, грамот, сказаний иностранцев, писем, меморандов и проч., а с другой стороны, дающая очерк постепенной разработки и роста русской истории, как науки. Максимум образов, вторая часть историографии и есть собственно история русской истории в полном смысле слова; первая же часть служит как бы введением.

Отдельное существование русской историографии восходит к очень недавнему времени. Начало общему обзору источников и литературы русской истории положили Н. Н. Бестужев-Рюмин и первый том своей "Русской истории" (1872).

В соображении, этот труд во многом сухая дает нам только конспект того, что требует более пространного изложения и при этом исключительное внимание обращено на общий характер источников; обзор же их разработки оставлен автором в тени. Тем не менее привнес своим несомненным "Русская история" Бестужева-Рюмина обладает крупными достоинствами, а

Лист 1ый

Русская историография.

Лекции проф. Балаева.

§1. Определение и краткий обзор историографических трудов.

Историографией называется вспомогательная научная дисциплина, занимающаяся, с одной стороны, обзором различного вида источников, т.е. летописей, хронографов, житий святых, актов, грамот, сказаний иностранцев, писем, меморандов и проч., а с другой стороны, дающая очерк постепенной разработки и роста русской истории, как науки. Максимум образцов, вторая часть историографии и есть собственно история русской истории во полном смысле слова; первая же часть служит как бы введением.

Отдельное существование русской историографии восходит к очень недавнему времени. Начало общему обзору источников и литературы русской истории положили Н. Н. Бестужев-Рюмин и первый том своей "Русской истории" (1872).

К сожалению, этот труд во многих отношениях дает нам только конспект того, что требует более пространного изложения и при этом исключительное внимание обращено на общий характер источников; обзор же их разработки оставлен автором в тени. Тем не менее при всех своих недостатках "Русская история" Бестужева-Рюмина обладает крупными достоинствами, а

Лист 1ый

именно, объективностью изложения, которая так не-
обходима в сочинениях по истории. Через двадцать
лет после этого труда появился грандиозный опыт
русской историографии проф. Киевского Университета В. С. Икон-
никова, излагающий во двух частях первую главу истории
собрания и издания исторических материалов. Здесь
исчерпывающим образом собрано все, что появлялось
в печати относительно архивов, библиотек и музеев
— публичных и частных, общинных и провинциаль-
ных, русских и иностранных, причем повсюду от-
мечено, какие источники этих хранилищ были из-
даны, или послужили предшествовавшим извеще-
ниям в каких-либо изданиях статей и изложе-
ниях русских и иностранных ученых.

Изложение ученых систем и теорий русской
историографии было сделано в двух разных местах
— М. В. Кословичем и П. Мисюковичем. Труд Ко-
словика, История русского самосознания по историче-
ским памятникам и научным сочинениям (Вро-
рое посмертное издание с дополнениями вышло в
1893г.) обладает существенным недостатком, воз-
мущающим произведение; — все излагается с точ-
ки зрения славянофильского учения и отсюда
крайним субъективизмом.

Другой труд, посвященный изложению посре-
пенного развития русской истории, как науки,
— Главные течения русской исторической мысли
(первое издание 1897г. и второе без переломов 1906г.)
принадлежит бывшему проф. Петербургского Уни-
верситета П. Мисюкову и сдвиг на высоту требова-
ний современной исторической науки, отлича-
ясь весьма присущими этому учению достоин-
ствами, но, к сожалению, проф. П. Мисюков за-
канчивает свое изложение лишь первым отря-

ми философской конструкции русской истории.

Не безполезно будетъ упомянутьъ еще о краткомъ, написанномъ чрезвычайно сожато, курсѣ „Русской исторіографіи“, который принадлежитъ фактически Миллеру и помѣщенъ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. XXVIII, стр. 430-446.

Собіраніе и изданіе историческихъ матеріаловъ.

§2. Екатерининская эпоха.

Библиографія:

1. Срезневскій. Древнія книги. СПб. 1864г.
2. И. А. Поповъ. Н. В. Матвицевъ и его время. М. 1861г.
3. Пекарскій. Извѣстія, собранныя Матвицевымъ въ бытность его въ Сибири и въ Швеціи (1721-26).
(въ зап. Геогр. Общ. 1863 г. III).
4. Пекарскій. Литература и наука при Н. В. (С. 1870г.).
5. С. М. Соловьевъ. О. М. Миллеръ (въ Современ. т. XLVII).
6. Каченовскій. (о историч. трудахъ и заслугахъ Миллера „въ уѣнвѣ зап. Москв. унив.“ 1839г. XI.
7. Камайдовичъ. Біографическія свѣдѣнія о трудахъ и жизни графа А. И. Мусина Пушкина „въ зап. и трудахъ Общ. ист. и Древней Рос.“ 1877г. II.
8. Невзминовъ. Новиковъ, издатель журналовъ.

- Собираніе исторических материалов началось давно. Еще въ древній периодъ русской жизни встрѣчаются такіе лица, которые собирали рукописныя книги. Изъ такихъ собирателей известны: Ярославъ Мудрый, составившій первую библиотеку въ Кіевѣ, т.е. Софійскую.
- 2) Князь Никола Святосла, собравшій значительное количество книгъ, которые были или пожертвованы въ Кіевскую Лавру; Святославъ Черниговскій. Кроме этихъ отдаленныхъ лицъ, важная роль въ собираніи книгъ, безъ сомнѣнія,
 - 4) принадлежатъ монастырямъ, какъ центрамъ древнерусскаго просвѣщенія, потому что они имели больше возможности располагать опытыми и искусными писцами, которые для списыванія книгъ по долгу проживали въ константинопольскихъ и константинопольскихъ монастыряхъ. Вместе съ тѣмъ монастыри являлись
 - 2) лучшими хранилищами сокровищъ и документовъ. Самые акты охотами за ними хранили, именно, въ церквахъ и монастыряхъ, напр., въ Новгородѣ при св. Софії, въ Псковѣ, при церкви св. Троицы. Такъ постепенно образовались значительныя церковныя и монастырскія библиотеки: Софійская въ Новгородѣ, Троицко-Сергіевская, Угдовская, Кирилло-Бѣлоозерская, Ростовская и проч. Изъ описей, дошедшихъ до насъ, видно, что въ нихъ были не только церковныя книги, но и летописи, хронографы, сборники, повѣсти, географическія описанія, переводы, космографіи и т.д. Отсюда досталась масса актовъ историко-юридическаго характера и памятниковъ письменности, такъ и въ монастырскіе архивы и библі-

отехи до сихъ поръ еще не испытаны вполнѣ; при зрѣньѣ стверовосточные монастыри оказывались такими мѣстоми, гдѣ хранились наиболее древние памятники.

Въ позднѣйшее время поименно начало аравья древнихъ московскихъ вѣсударей, основаніе котораго относится къ царствованію Ивана Грознаго. Здѣсь хранились, судя по дошедшей до насъ описи, дѣла самаго разнообразнаго содержанія: сношенія съ иностранными державами, дѣла новгородскія, псковскія и удѣльных княжествъ, церковныя, гражданскія, судѣбныя и частныя, жалованныя грамоты и списки служилыхъ людей; даже описи русскія и иностранныя.

Первое же распоряженіе о сохраненіи историческихъ матеріаловъ относится къ XVIII вѣку, именно къ царствованію Петра Великаго, когда посмотрѣвъ на содержимое въ библіотекахъ и архивахъ, какъ на историческіе матеріалы и какъ на практическое доказательство правъ сословіи (Московскій архивъ). Петръ Великій первый показавъ въ зрѣньѣ такую строгую заботливость. Указомъ 20 декабря 1720г. губернаторамъ и вице-губернаторамъ предписывалось: во векахъ монастырскія и епархіальныя и соборныя прежнія жалованныя грамоты и другія курьезныя писма оригинальныя, такъжде и историческія рукописныя книги пересмотрѣть и переписать и тѣ переписанныя книги прислать въ Сенатъ. Узнавъ, что въ Пензенскій архивъ Радзевилловскій списокъ древней описи, Петръ Алексѣевичъ распорядился снять съ него ко-

пю. Въ 1719 году онъ озаботился собираніемъ предметовъ древностей и снятіемъ съ нихъ рисунковъ и чертешей. Известно, съ какими интересомъ и вниманіемъ относился онъ къ развалинамъ древнихъ Болгаръ. Ближайшіе же сотрудники Петра Великаго заботились о собираніи такихъ памятниковъ, на основаніи которыхъ можно бы было написать исторію Россіи.

Матвищевъ, задумавъ написать древнюю географію Россіи, увидѣвъ необходимость предвѣрительнаго образованія и древнюю исторію Россіи. Съ этою цѣлью онъ сталъ собирать древнія рукописи и вообще древніе памятники, изъ которыхъ нѣкоторые онъ добывъ изъ Upsal'sкой королевской библіотеки. Изъ нихъ Матвищевъ составилъ весьма цѣнную библіотеку, изъ которой очень важныя рукописи, которыхъ мы не имѣемъ въ другихъ спискахъ. Но сожалѣнію, все это собраніе, вместе съ записками Матвищева, пошло отъ пожара.

Более энергичная дѣятельность по собранію и изданію матеріаловъ началась въ вѣкъ Екатерины 2-ой. Является рядъ лишь, прославившихся въ этомъ поприщѣ.

Таковы, между прочимъ, академикъ Герардъ Миллеръ, принимавшій участіе въ экспедиціи Беринга, во время которой онъ собралъ множество матеріаловъ въ Сибирскихъ архивахъ: въ Тобольскѣ, Енисейскѣ, Нерчинскѣ, Якутскѣ, Березовѣ; открывъ въ частныхъ рукахъ сибирскую рукопись; выведъ много географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о Россіи и Сибири.

Управляя Московскими архивами мини-

стерства иностранных дьяков, Миммеръ издавалъ собранные материалы; но издавалась только самая незначительная часть ихъ. Все-что отпечатано после его смерти. Въ настоящее время портфели Миммера; куда вошли множество материаловъ, пошедшихъ въ саидой Россіи, далеко еще не вполне исчерпаны.

На ряду съ Миммеромъ трудились на этомъ поприщѣ и некоторые другие лица. Здесь по историческому значенію на первомъ планѣ нужно поставить плодотворную дѣятельность известнаго мартиниста Н. Новикова, который, получивъ, съ разрѣшенія императрицы Екатерины II, доступъ въ Московскіе архивы, издалъ рядъ важныхъ трудовъ: — 1) Древняя Россійская Вавилоуха въ 20 т., куда вошли словотолки, грамматики, родословныя, путешествія, житія; 2) Исторія о невинномъ заоченіи боярина Матвѣева (челобитная и письма) и некоторые другія. V2/

Не менѣе выдающимся дѣятелемъ въ сѣбѣ Гошкова, просвѣ курскій купецъ, горячій поклонникъ Петра Великаго, рѣшившійся посвятить всю свою жизнь описанію дѣятельности этого царя. Съ этою цѣлью онъ началъ собирать материалы, относящіеся къ этой эпохѣ. Императрица узнала о его намереніи и передѣлила ему отароубѣ все книгохранилища. Результатомъ его дѣятельности явились Дѣянія Петра Великаго въ 12 т. (1788—1790) и Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго въ 18 т. (1790—1798), представляющія интересъ только какъ материалы, но лишенные, въ составленіи, всякой критической обработки. Къ этому же разряду нужно отнести и Россійскую V3/

4 историческую "в 15 книгах (1770-1791) кн. Щербатова, в которой собрано значительное количество новых документов. Присоединены к тексту обширные выписки из архивных материалов. Благодаря этому, не смотря даже на позднейшие издания, труд Щербатова не потерял значения. Уже, между прочим, пользовался и Карамзин. Щербатову принадлежат еще издания: 1) "Летопись о бывших митрополитах в России (1773г.), 2) "Жизнь Петра Великого" (1774г.) и 3) "Краткая повесть о бывших в России самозванцах" (1774г.). Екатерина Великая наградила Щербатова званием историографа.

5 В это время собирания и издания материалов в екатерининское время значительную работу оказывал граф А. И. Мусин-Пушкин, издавший "Духовную Владимира Мономаха" (1793г.), "Русскую правду" (1792 и 1799), а также открывший знаменитое "Слово о походе Игореве" (1795), подлинная рукопись которого, к несчастью, была повреждена при пожаре Москвы в 1812г.

Такова первая эпоха собирания исторических материалов в XVIII в. Если охарактеризовать ее в общих чертах, то мы увидим, что она представляется собою первую чрезвычайно слабую попытку собирания исторических материалов. Этими делом занимались люди без специальной исторической подготовки. Материалы издавались случайно - на частные средства - и потому самое собирание не могло получить значения вполне развивающегося специального занятия.

§3. Румянцевская эпоха.

Библиография:

1. Автобиография Румянцева. Рур. Арх. 1869. 843-846.
2. Уконников. Опыт русской историографии.
т. 1, стр. 132-243.
3. Барсуков. Гр. И. П. Румянцева. Древ. и нов.
Россия. 1877. №5.
4. Барсуков. Жизнь. П. М. Стросва. СПб 1882.
5. Бессонов. К. О. Калайдовича Биография.
очерки. Русская Вестка. 1860. кн. II.

Во втором виде представляется намъ второй периодъ, или первая половина XIX вѣка. Является рядъ лишь специально преданныхъ друцъ друцъ, но выстаетъ съ ними группированнымъ вокругъ себя и другихъ въ качествѣ помощниковъ, такъ что дѣло становится теперь на долгие дѣрзую почву. Первая половина XIX в. открываетъ собою новую эпоху въ развитіи русской исторіи; эта эпоха по справедливости должна быть названа Румянцевскою, по имени замѣчательнаго дѣла по части собиранія и изданія историческихъ матеріаловъ — графа Николая Петровича Румянцева (1754-1826). Онъ былъ человекомъ съ громадными средствами и необыкновенною любовью къ историческимъ наукамъ. Образование свое онъ получилъ въ нѣсколькихъ иностранныхъ университетахъ. Находясь за границей, онъ вникалъ и интересовался вопросами политическими. Любова же къ русскимъ древностямъ развилась у него впоследствии. Возвратясь въ Россію, онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ эпоху Александра I онъ былъ Гр. Балашовъ. Русская историография. Листъ 2ой.

поклонников французской системы Наполеона. После 1812 г., развившая эту систему и выведя её в почёт к ней Рагузинская, начинается его плодотворная деятельность на пользу русской истории. Он этого момента он является покровителем лишь, занимавшимся русской историей — центром, где сосредоточивается вся научная деятельность того времени. Благодаря своим средствам, он делает немалые затраты на издание различных сочинений. Так, на его счёт и при его ближайшем участии издано 24 сочинений, относящихся в несколько десятков тысяч рублей. Главнейшие его издания следующие: 1) собрание государственных грамот и договоров в 4 частях (1813-1818) под наблюдением Каменского и Маминского; 2) законы великого князя Иоанна Васильевича и внука его Иоанна Васильевича, — издано Каменским и П. Строевым. М. 1819; 3) Памятники российской словесности XVIII в. (сост. Кирием Тирювского, митр. Никодора, Даниила Заблужа, Вопросы Кирика) — издано К. В. Каменским. М. 1821 г.; 4) Софийский временник (1226-1534) — издано П. Строевым. М. 1820-1821; 5) Древняя русская стихотворения, собранные Кирием Даниловским, изд. К. Каменским. М. 1818; 6) Словарь писателей духовного чина греко-русской церкви. М. Евфия Боласовичева, 2 т. С. 1818.

Это отношение к издателям Н. П. Румянцев является не только меценатом, который бы в отношении к себе относился к их делу; напротив, он всецело был проникнут той же идеей, как и они; он, напр., заботился о шрифтах, инт-

расстался малокайшимъ подробностями печат-
 ния, — считая, чтобы не появлялись ошибки.
 Онъ болѣе всего сердился, когда думо идетъ медлен-
 но. Ему постоянно присылали акты, предназна-
 ченные къ изданію, которые онъ просматривалъ
 и по отпечатаніи листовъ, думалъ проворку.
 Онъ былъ горячимъ отношеніемъ къ думѣ онъ на-
 буждалъ и дружилъ къ энергичной работѣ. Въ
 немъ была сильнѣйшая страсть къ собиранію
 всякаго рода памятникъ. На приобретение ста-
 рыхъ документовъ онъ не имѣлъ средствъ; та-
 ко за подобнаго рода рукописи онъ платилъ
 значительныя суммы денегъ. Если сосчитать
 затраты на приобретение рукописей, на снабже-
 ніе деньгами лишь, способствовавшихъ этому
 думѣ, деньги, которые онъ пересылалъ зарубеж-
 нымъ ученымъ, то получится огромная
 сумма — 300.000 рублей. Его библиотека заклю-
 чала важные собранія древнихъ памятниковъ.
 Конечно, для того, чтобы предпринимать та-
 кія работы, какія предпринималъ Гуманцевъ,
 онъ ниспался въ значительномъ количествѣ
 сотрудниковъ и, действительно, вокругъ него груп-
 пировался тѣсный кругъ ученыхъ, проникнутыхъ
 общимъ идеомъ. Наиболѣе энергичными и вы-
 дающимися изъ нихъ были — А. О. Мали-
 новскій, П. М. Строевъ и Н. Д. Камайдо-
 вичъ.

А. О. Малиновскій, воспитанникъ Мо-
 сковскаго университета, былъ малокайшимъ и
 лучшимъ исполнителемъ воли графа Гуман-
 цева. Черезъ Малиновскаго думалъ все важ-
 ныя сношенія съ ученымъ и хозяйственнымъ
 распоряженіямъ по изданіямъ. П. М. Строевъ

и К. О. Калайдовичъ въ двадцатыхъ годахъ на средства графа Гумянцева совершивши путешествие по монастырямъ, где осматривали библиотеки и сочиненія или отписи, положивъ послѣднимъ прочное основаніе трудамъ этого рода въ Россіи. Въ этихъ путешествіяхъ ими были найдены: Узорникъ Свѣтослава 1073 г., Пахвала когану Владимиру, сочиненія Кирилла Туровскаго, Судебникъ Ивана Грознаго, матеріалы о соборѣ 1667 г. о патріархѣ Никонѣ, С. Медвѣдевѣ и сим. др..

Изъ другихъ помощниковъ Гумянцева известны: Аделунгъ, издатель иностранныхъ путешествій, авторъ двухъ монографій на кнѣзюхъ австрійскихъ, о Герберштейнѣ (1818) и Мейербертѣ (1824); при помощи Гумянцева Аделунгъ собралъ матеріалъ для своего труда: *Ueberblick der Reisenden in Russland and bis 1700* (съ рус. переводомъ въ изд. М. О. Ист. т. т. III и IV); Воскресовъ, будучи издателемъ Остроумова Евангелія, начавши съодручательность подъ руководствомъ Гумянцева. Френъ, известный оріенталистъ, прославившійся своими трудами по восточной палеонтологіи, по исторіи Золотой Орды и своими изданіями восточныхъ писателей.

(Ильинъ - Рацлава).

Мало того, гр. Гумянцева находились въ связи съ тогдашними русскими и иностранными учеными, какъ, напр., съ митрополитомъ Евгеніемъ, Карамзинскимъ, Лелевскимъ, Гаве, Сень-Мартеномъ, Дубровскимъ, Копитаромъ, Вукомъ Караджичемъ; со всеми ими онъ находился въ постоянной перепискѣ, вступилъ или принималъ участіе. Такъ, Гаве на средства графа издалъ Лова Дьякона и Георгия Акиртова, а Вукъ

Караджинья - рядъ грамотъ и т.д. Неудивительно
подать то, что у Буяницова явилась мысль издать
сочиненіе, касающееся извѣстій иностранцевъ о Мос-
ковскомъ государствѣ - „сочинъ историчъ чертъ Моска-
витичъ“. Наряду съ содѣржаніемъ матеріаловъ въ ин-
тересныхъ архивахъ отъ заботы о собираніи тако-
выхъ и въ заграничныхъ. Съ этою цѣлю имъ раво-
маны были лица въ разныхъ мѣстахъ Западной Ев-
ропы. Результатъ это былъ самый благопріят-
ный. Между прочимъ имъ были найдены рядъ
картъ, имѣющихъ значеніе для древней географіи
Россіи - карты Сарматіи и Скандіи XIV в., карты, отно-
сящіяся къ XV в.. Не ограничиваясь этимъ, онъ смѣ-
ло отправлялся путешествовать по Россіи съ цѣ-
ною цѣлью для осмотра разныхъ достопримѣ-
чательностей, покупая во время этихъ поездокъ раз-
наго рода древности. При такомъ отношеніи къ де-
лу графъ Буяницовъ, естественно, долженъ былъ за-
интересоваться историческими вопросами. Его
переноска одиала въ строгое ученіе. По истори-
ческимъ вопросамъ онъ высказывалъ личныя,
самостоятельныя мнѣнія, погръ часъ весьма удач-
ныя.

Такиимъ образомъ, какъ по своимъ средствамъ,
такъ и по своей жаждѣ къ научнымъ изслѣдова-
ніямъ графъ Буяницовъ былъ главнымъ движа-
телемъ на поприщѣ разисканія и изгнанія ист-
орическихъ матеріаловъ и покровительствомъ цѣлой
племяды молодыхъ труженниковъ, которые безъ
него должны были-бы ограничиться симпатич-
скими кругомъ дружбы въ какомъ-ни-
будь государственномъ архивѣ, или остаться
авторами нѣсколькихъ, быть можетъ, цѣнныхъ
изслѣдованій, но которые не всегда нашими высе-

во много въ литературу. Самая возможность въ это время появления труда Карамзина въ значительной степени объясняется деятельностью того-же Буяницевского кружка. Поэтому весьма естественно, что первая четверть XIX в. въ русской историко-графической носилъ название Буяницевской эпохи, — только больше, что сами Буяницыевы создали себѣ памятникъ въ такъ называемомъ Буяницевскомъ музее, подаренномъ, отъ государственнаго канцлера гр. Николая Петровича Буяницева на благо просвѣщеніе. Музей этотъ возникъ по его мысли сначала въ Петербургѣ, а потомъ перенесенъ въ Москву, гдѣ и теперь находится.

§ 4. ^{градоначальство (по Писареву) см. ч. 16. 35} Археологическая экспедиція. (Строева).

1. Барсуковъ. Жизнь Строева. С.П.Б. 1878.
2. Предисловіе къ Ист., Архивъ Археологической экспедиціи.
3. Отчеты Строева и Березникова и сообщенія ихъ за время археологической экспедиціи; помѣщены въ Ж. М. Н. пр. о Ист. (1834).

Было такъ уютно и такъ горячо началъ Буяницевымъ, не осталось безъ послѣдовательной. Одинъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ, П. М. Строевъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавняго осмотра монастырскихъ библиотекъ, даваемаго ему богатымъ матеріаломъ, представлявшимъ, однако же, по мнению Строева, лишь небольшую часть огромнаго цѣлаго, рѣшился осуществить свой обширный планъ исторической (въ послѣдствіи Археологической) экспедиціи и собранія всего матеріала,

Вот что, по его глубокому убеждению, некое было и должно было в дальнейшей критической разработке, русской истории. Будущие избраны в члены Московского Общества истории и древностей, он произнес там в 1822 г. свою знаменитую речь, в которой заявлял, что Московское Общество истории и древностей должно расширить свои предприятия; „не довольно, говорит он, Москвы для поприща нашей деятельности; пусть цолая Россия превратится в одну библиотеку, нами доступную“. Его мысль была принята вполне, и ему было оказано по недостатку средств. Невольно спустя (1827) Строев обратился со своим проектом в Императорскую Академию Наук, как члену корреспонденту. Его предложение встретило поддержку со стороны некоторых академиков (Крука, Френка), принадлежавших к Гуманитарному кружку. Академия Наук ассигновала ему по 10.000 руб. в год на поездки в течение 7 лет. В 1829 г. экспедиция в состав Строева и двух чиновников Московского Архива (в 1830-1834 г. труды Строева раздвигались Бердяников) выехала из Москвы, причем от правительства было получено губернаторам распоряжение об оказании Строеву всевозможная содействие и помощи. Молодой А. Сидоров не выдал откровения мира, вследствие чего Строеву приходилось испытывать не малые затруднения в монастырских библиотеках и церковных архивах. Нередко невежественные настоятели прятали и уничтожали ценные памятники старины. В течение 7 лет экспедиция объехала более 13 губерний и ознакомила всех архивы и библиотеки, по мере того хо-
1823
1829

рохов простиралось до 200. При Эрми экспедиция составляла собрание историко-юридических актов и каталоги рукописных и фотопечатных книг. Из выше упомянутых приобретений можно указать на следующие находки: описок Новгородской летописи, неизвестное до того времени путешествие в Царград Новгородского епископа Антония XIII в., московского актова Симонова времени (о самозванце Шейко), дром пап. Никола и мн. др. Экспедиция могла на себе убедиться в печальном положении памятников: многие из них погибли безвозвратно, другие сгнили еще в сырых подвалах, задвигая ветхим; некоторые были извлечены на свет благодаря умной экспедиции и, таким образом, во время спасены от истребления.

35. Археологическая комиссия.

Библиография:

1. Отчеты о занятиях и изданиях Археологической комиссии за 25-летнее ее существование. 1834-59. М. М. Н. пр. 1860 г. С. 17.
2. Летопись занятий археологической комиссии. т. I-VI.
3. Описание розысканий и коллекций. М. С. Соловьева; помещены в М. М. Н. пр. т. XV, XX, XXI, XXV, XXVI, LXIII.
4. Статьи в Энциклопедическом Словаре Брокгауза, книги писцовых, т. XV стр. 457-459. „Акты“ т. I, 314-315.

Ввиду того, что Археологической экспедицией Строева было собрано много материала, то явилась потребность издать его, и для этой цели учреждена была „Небольшая комиссия“ в 1834 г., сохранившая за собой такое название всего 3 года, т. е. до 1837 г., когда была переименована в Археологическую Комиссию, под которым названием существует и до настоящего времени.

На эту Археологическую комиссию было возложено как собиране, так и издание сочинений исторического характера (т. е. летописей, хронографов, сказаний и пр.) и актов государственно-юридических, а также описание русских монет и медалей. Впоследствии ей было поручено

и издание актов на иностранных языках, относящихся к истории России.

Археологическая комиссия продолжала дело, начатое Гуманцевым и археологической экспедицией Строева. Были осмотрены ряды архивов: архив сфарижского двора, находящийся в Москве при Сенате; архив Московской дворцовой канцелярии, московский главный архив министерства иностранных дел, архив синодальной библиотеки.

Члены археологической комиссии - Березников, Калашов, Очаевский - совершили путешествие по центральным губерниям, в которых осматривали как архивы присутственных мест, так и частные собрания. За время комиссии вытребовали себя документы провинциальных архивов, где хранились дела бывших воеводских канцелярий, мамонтов, рабских и пр. По мере того было обращено внимание на архивы: северо-западной, западной и юго-западной России, давшие в общем обильный и ценный материал. Так, в конфискованном имении Сапожников найдены документы Маврицкого ордена XVIII-XIX вв.; в Ревель-новгородских грамотах XI. Ряд частных лиц сообщал археологической комиссии разработкой архивов на местах; напр., из Астрахани Матвеев доставил большое собрание актов XVII в., в которых заслуживали внимание списки о пребывании в Астрахани Марины Мнишек и Заруцкой, новья свидетельства о Степане Бавинке. Относительно розысканиями комиссии к ней поступали материалы и от частных лиц; так, вдова М. М. Карамзина была сообщены рукописи, принадлежащие историографу (списки, эпитафии, сборники, акты, иностранные материалы); купец Мейсников передал жалованья Строевановым грамоты XVI и XVII в. и пр. Были использованы иностранные архивы. Урсы графа С. С. Урлова приобрели списки с дипломатических бумаг Покровских в Варшавском музее; в Гамбург найдены грамоты Вильгельма Мисслера.

князя Василия Ивановича 1578. на пергаменте, но самый обширный и важный материал дали скандинавские архивы, библиотеки и частные собрания. Пioneрами здесь были проф. М. С. Соловьев, осмотревший в 1838-39г., при словесном содействии шведских и датских ученых, в Стокгольме и Копенгагене тайные королевские архивы, сейный архив Делагарди и ряд библиотек в Лунде, Упсале и др. Находки Соловьева заслуживают особенного внимания: отъ офрм. уфравну грамоту 1116; собрание новгородских актов, выведенных Делагарди; бумаги лагерей Салови и Тушинского славянина, захваченных шведами; отъ нашь и списанъ ошинеи Катонина. Весь офр. поступивший материал мною систематизированъ и разложенъ въ хронологическомъ порядкѣ по губерниямъ и областямъ, такъ что пользование имъ въ значительной степени облегчено.

Таковы пути археографической комиссiи по приобретению материаловъ, но на офр. деятельность комиссiи не ограничиваясь; она направлена также и на издание офр. материала, обнимающаго акты исторические, историко-юридические и летописи. Въ разрядъ актовъ историческихъ надо причислить слѣдующія издания:

1. Акты исторические, 5 т. отъ 1334-1700. Подъ редакціей Гржева, Григоровича, Коркунова. 1841-1842.
2. Дополнения къ актамъ историческимъ, 12 т., начиная отъ 17 в. по 1800 г. Подъ ред. Бередникова, Калачева, Коркунова и Милодцева. 1846-1871.
3. Акты исторические, относящиеся до Россiи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библиотекъ. А. И. Тургенева 2 т. подъ редакціей Востокова 1841-1842.
4. Дополнения къ нимъ; акты, приобретенные Уваровымъ и др. подъ ред. Григоровича, Кошова. 1848.
5. Сказанiя иностранныхъ писателей 2 т. (1 т. хроники Буова и Петра, 2 т. соч. Термама и Массе) подъ ред. Куника и Милодца.

6. Письма русских государей (1526-1688) под ред. Власова. 1848.

7. Русская историческая библиотека Тт. под редакцией Коляевых, Гильдебранда, Павлова. 1872-1889.

Кроме того многоформные собрания актов, относящихся к истории западной и южной России.

К категории историко-юридического материала относятся следующие издания:

1. Акты юридические - собрание форм старинного уголовного судопроизводства от XIV в. по 1700 г. под ред. Березникова 1838 г.

2. Акты, относящиеся к юридическому быту древней России от XI в. по 1700 г. Тт., под ред. Калашова. 1851 г. - 1888 г.

Третье издание - автописи, относящиеся к которым мы знаем, что еще Румянцев представил депо в распоряжение Академии Наук на их издание, но оно плохо подвигалось вперед. Существует одно "полное" издание автописей, собранных из 15 т.; отдельные же автописи изданы уже по нескольку раз, напр., Лаврентьевская выдержка 3-е издание в 1894 г. обращает на себя внимание попытка издания писцовых книг, т.е. правительственных документов, служивших основанием для податного обложения, начало которых восходит к татарскому господству и имеющим юридическую силу во время султанов, когда надобно было доказать право собственности на землю. Писцовые книги представляют по истинному своему материалу. До сих пор изданы только новгородские "Писцовые книги" Н.т. и "Писцовые книги Московского государства XIV в." и некоторые др. Данными писцовых книг пользовался Левошин: "Пятидесятая и погостная новгородская" (1853).

Правительственной инициативой приказано издание новгородских весьма важных и обширных сборников государственных актов, каковы:

1. Полное собрание законов Российской империи - 48 т. изд. с указателями, 1826-30 г.г., заключающее в себя законода-

тельные акты оъ уложения царя Александра Михайловича до царствования императора Николая I, собранные изъ разныхъ архивовъ и присутственныхъ местъ, но впрочемъ, не вполне исчерпывающие законодательную деятельность правительства при множествѣ обширнаго матеріала.

2. Памятники дипломатическихъ сношеній Древней Россіи, 10 т. (сношенія съ Австріей, Турціей и папами въ XV-XVIII вв.) 1851-1871.

3. Собраніе трактатовъ и конвенцій Россіи съ иностранными державами, составленное проф. Марфенковымъ.

4. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православ. исповѣданія Россійской имперіи съ 1721-24 г. 5 т. 1869-81 г.

5. Письма и бумаги Петра Великаго, подъ ред. Бюшкова. 1872 г.

6. Письма и бумаги Екатерины II, подъ его же ред. 1873 г. и нѣког. др.

Всѣ эти перечисленныя изданія весьма важны и при всѣхъ хоть мало-малоски самообразовательномъ изысканіи оъ ними приходится имѣть дѣло. Кроме Петербургской комиссіи существуютъ еще другія археографическія комиссіи:

1) 1. Невская археографическая комиссія, издавшая кавказскія портреты-Самовидца, Силъ Величка, Григорія Грабянки, письма Адама Киселя, Килгильницкаго и 4 тома „Памятниковъ“, куда вошли акты изъ присутственныхъ местъ южной Россіи.

2) 2. Виленская археографическая комиссія, работающая съ 1864 г. и выпустившая 30 т. „Актовъ“, много сдѣлавшая для исторіи западнаго края.

3) 3. Кавказская археографическая комиссія имѣетъ дѣло оъ матеріаломъ, касающемся исторіи кавказскаго края со времени его присоединенія и издала доселѣ въ своихъ изданіяхъ.

§ 6. Деятельность ученыхъ обществъ.

Библиографія:

Н. А. Поповъ. Исторія императорскаго общества исторіи и древностей Россіи (т. М. О. И. 1884 г.)

Рудаковъ. „Историческія общества“. Энцикл. Словарь Брокгауза, т. XIII, 484-485.

Къ долгу собиранія и изданія источниковъ по русской исторіи не остались безучастны ни частное лицо, ни ученнаго общества, какъ сама императорская, такъ и соотвѣстная, подъ привѣрливѣнными покровительствомъ.

Среди ученыхъ обществъ на первомъ планѣ стоитъ Академія Наукъ, которая издавала преимущественно материалы, имѣющіе интересъ для исторіи науки въ Россіи; за тѣмъ разрабатывалась этнографія и въ связи съ послѣдней филологія; труды по археологіи были посвящены, собственно, нумизматикѣ, а второе отдѣленіе Академіи сосредоточивало свое вниманіе на памятникахъ историко-литературныхъ. Большие важности имѣютъ издаваемые на средства Академіи библіографическіе указатели Мелкова.

Независимо отъ Академіи ея члены издають другія материалы. Такъ, Герье издавалъ Сборникъ писемъ и мемуаровъ Лейбница, относящихся къ Петру Великому и Россіи (1873), а Коляковъ — Дневникъ посольства Степана Бабо-ва на Россію и пр.

Однѣ изъ древнѣйшихъ и вѣрнѣе охваченныхъ важныхъ обществъ — Московское общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, основанное въ 1804г., но дѣятельность котораго, съ нѣсколькими правительственными, на первыхъ порахъ была весьма и весьма непродуктивна. Къ счастью пожаръ 1812 г. уничтожилъ библіотеку и имущество общества. Современни президентства гр. Строганова (1836) обществу была назначена на его изданія правительственная субсидія въ 5000 р. Изданное въ 1848г. обществомъ сочиненіе Рюстера: О Московскомъ государствѣ XVIII в. оказалось роковымъ; редакторъ этого сочиненія и секретарь общества, проф. Бодянский, перемѣщенъ въ Казань, а органы общества закрыты. Новый периодъ наступилъ съ царствованіемъ Александра II, когда цензурныя облегченія для исторической литературы позволили обществу развить свою дѣятельность въ весьма широкихъ размѣрахъ. Изъ большого ко-

мнѣства матеріаловъ, изданныхъ Обществомъ, важнейшіе слѣдующіе:

- 1) Русскія Вспоминательныя въ Трагедіи (1815, 1843, 1844). Здѣсь были помѣщены: удѣль. Ярославъ о мѣстѣ, слово въ Поклу Игоревъ.
- 2) Русскій историческій сборникъ въ 4т. (1838-44) подъ ред. Погодина; помѣщены описанія древностей, городищъ и кургановъ и мѣстныя дѣла XVI и XVII вв.
- 3) 3. Съ 1846г. и понынѣ Общество имѣетъ свои органы: "Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ" (которыя въ 1849-54гг. были закрыты и замѣнены "Временникомъ"). Въ этомъ почтенномъ органѣ были напечатаны чрезвычайно важныя матеріалы: документы, Мѣстныя Переяславля Суздальскаго, Муромскія статуты; документы: о цар. Алексѣѣ, Архивъ Волынской, Новиковъ, Радищевъ, князю Таракановъ; рядъ записокъ: Араповича, Мотушина, Мишкова, Мордовина и пр.; записки иностранцевъ: Роккелотта, Плейера, Перри, Корда, Гондо. Въ Обществѣ "Чтенія М. О. Ист. и Древ." прежде дружныя продолжали путь къ изслѣдованію и обнародованію матеріаловъ по новой русской исторіи. Въ 1866г. учреждено въ Петербургѣ "Русско-историческое общество", съѣзжающее съ самаго начала подъ предсѣдательствомъ тогдашняго наследника, нынѣ уже покойнаго Императора Александра III. По каждае время Общество издало 10-15 томовъ матеріаловъ, почерпнутыхъ какъ изъ русскихъ, такъ и иностранныхъ архивовъ. Здѣсь особенно богато развитіе собраніе бумагъ Екатерининскаго царствованія: Турчаниновъ, коммиссія Успокоенія, дѣла Таракановой, переписка Екатерины съ Д. А. Мамонтова, Волынского, Морфенова, Гримальди, Фридрихсена; бумаги Александра I касавшіяся отношеній къ Апарцу и Наполеону; донесенія и дипломатическая переписка иностранныхъ пословъ при русской дворѣ; протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго Совѣта. Матеріалы историческаго Общества такъ болѣе важны, что издаются по подписнымъ до-

существовали и полными сериями, посвященными данному вопросу.

В число самых древних провинциальных обществ надо отнести Одесское общество истории и древностей, которое издаёт свои "записки", заключающие материалы юридический, археологический, топографический, исторический, относящийся к южной России и приуроченной к различным местам: херсонской, татарской, генуэзской и др.

При Киевском Университете существует Историческое общество любителей Кесрра; занимающееся, главным образом, разработкой истории южной России; общество устроило 3-й археологический съезд и издало его "Труды". Оно издаёт "Ученые вестники общества любителей Кесрра", где были помещены исследования Иконникова "Великий Самозванец и Симеониды III"; Владимирского-Богданова "Политическое право в эпоху Литовско-русского государства".

При Харьковском Университете открыто в 1876 г. Историко-археологическое общество, издавшее свой "Сборник", главные статьи которого: "Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства" Багалюка и "О времени и месте крещения великой княгини Ольги" — Саввы.

Кроме перечисленных обществ существуют еще ряд археологических и антропологических обществ, так, напр., в Москве, Московское археологическое общество, основанное Уваровым, и "Общество антропологии, естествознания и археологии", занимающееся и историческими вопросами. Киевское географическое общество в Петербурге занимается исторической географией и этнографией со ссылками в провинции.

§7. Архивы.

Библиография:

Н. И. Иванов. Арх. М. К. (Въ Ж. М. К. 1860 г. 1 кн.)

Родомин. Центр. архивъ и археограф. комиссия въ Киевѣ. Ж. М. К. 1862 г.

Е. М. Иванов. Харьковскій историческій архивъ. Т. 1904 г.

Если мы сопоставимъ изданный материалъ съ неизданнымъ, то послѣдній покажется больше, а первый его частью. Неизданный

материалы находятся в историческом архиве и в распоряжении приусадебных митрей, монастырей и частных лиц. Исторические архивы в свою очередь подразделяются на 3 категории: 1) архивы сбирки, 2) так наз. центральные общедоступные архивы и 3) провинциальные исторические архивы.

По числу первых относятся:

1) Московский архив Министрства иностранных дел, - самый обширный архив, общее число дел которого превышает 80 миллионов. Это архив продолжения архива посольского приказа, который заведовал всеми делами и отношениями и к которым относились внутреннее управление. Сюда была присоединена часть архива Царского Посольского и Великого княжества Литовского. Здесь, между прочим, хранятся государственные родословные книги, переписка русских государей, письма и автографы Петра Великого, секретные дела XVIII и XVIII в., подлинники писем Дмитрия Самозванца и Марины Мнишек и др. В этом архиве тесно связано государственное древнерусское дело хартий, рукописей и печатей. Приведенный раньше список архивов в порядке, архив Министрства иностранных дел давно стал доступен для пользования не только разным учреждениям, но и частным лицам; там работают канцелярии, Бюро - Каменский (история Малой России), Канцелярия (Материалы для исследования о Русской правде. М. 1846), С. М. Соловьев, Заболоцкий, Печарский, Платовский (Псковское беззаконие. М. 1889), Ключевский (Боярская Дума. М. 1881), Барсуков и др. Другой. Большинство материалов, изданных археографической комиссией (Строева) и Русским Истор. Общ., взяты именно отсюда.

2) Московский архив Министрства юстиции включает в себя документы окупности, помещичьей собственности и средневековых привилегий в России. от XIV по XVIII ст. включительно, являясь в то же время древнейшим и замечательнейшим государственным архивом в России и имеет громадное значение для изучения внутреннего быта страны, а с другой стороны, и для практических справок относительно недвижимых владений старинных дворянских родов. Сюда поступили, главным

Арахи, дѣла Разряднаго, Полнаго и Малороссійскаго приказовъ. Работали здѣсь Невоминъ (о „Пяжанахъ Новгородскихъ“), Забѣлиновъ (дѣла живни царей и бояръ), С. М. Соловьевъ, Косурмаровъ, Есиповъ (Раскольниковы дѣла XVIII в. 2 т. 1861), Селевскій („Крестыяне въ царствованіе Екаѣрины II“).

3. Государственный архивъ въ Петербургѣ, гдѣ хранятся акты и бумаги, относящіяся до императорской фамилии, бывшіе секретарей; дѣла о вожатойшихъ преступникахъ, дѣлопроизводство тайной канцеляріи и тайной экспедиціи (1762-1802), какъ-то: бумаги изъ кабинета Петра I, Екаѣрины I, Павла и Александра I; дѣлопроизводство о Пугачевѣ, княжнѣ Таракановой, сѣбѣ о низведеніи Никола, журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта, синодальное дѣло объ Архіепископѣ Волынской, Миронѣ, о селѣ Брандербургскомъ принцевъ, дѣла синодальной комиссіи и верховнаго уголовного суда 1826, бумаги о тайномъ обществѣ.

Доступъ въ Государственный Архивъ, естественно, затруднителенъ. Здѣсь работали сравнительно немногіе: г. Корень, посѣщавшій на предѣлѣ Николая I. Сб. 1848, Соловьевъ (императоръ Александръ I С. П. Б. 1847), Селевскій („Слово и дѣло“), Арсеньевъ (старинныя дѣла объ оскорбленіи его величества. Изд. Моск. 1881 г.).

4. Архивъ Святейшаго Правительствующаго Синода по началу началъ отъ времени учрежденія С. Синода, т. е. отъ 1721 г. и заключаетъ въ себѣ драгоценнѣйшее и единственное по своей полнотѣ собраніе матеріаловъ для исторіи Церкви и церковнаго законодательства, а также весьма богатые данныя для многихъ сторонъ общественной и государственной жизни. Архивъ разрабатанъ мало. Изъ матеріаловъ, хранящихся въ немъ, изданы: 1) описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ С. Пр. Синода, 5 т. за 1842-1844 г. 1868-80; 2) Полное собраніе постановленій и распоряженій по ведомству православнаго исповѣданія, 5 т. за 1721-1724 г. 1869-81 г. Здѣсь работали: Печарскій, Морозовъ, Геницы въ Россіи 2 т. Сб. 1867-70 г., Горчаковъ (Монастырскій приказъ), Числовъ (Сеофанъ Прокоповичъ).

Существуетъ и еще рядъ архивовъ, какъ-то: архивъ Правительствующаго Сенага, архивъ Государственнаго Совѣта, архивъ
Листъ 4

2. Главного Штаба, архивъ Министерства Внутр. Дѣлъ, архивъ Министерства Финансовъ, архивъ Свѣдѣнной Б. У. В. Канцеляріи, но ихъ дѣла или не разобраны или не описаны или почти недоступны для пользованія.

Изъ категорій центральныхъ властныхъ архивовъ главнѣйшіе:

1) Кіевскій центральный архивъ, владѣющій бумагами Кіевской, Волынской и Подольской губерній. Состоящая при немъ съ 1852 г. комиссия для разбора древнихъ актовъ издаеъ сборники ихъ подъ названіемъ: „Архивъ юго-западной Россіи“. На основаніи его матеріаловъ изданы монографіи: Антропова „о казакахъ“ (1800—1816) 37; Владимирскаго-Вуданова: „Кышеницкое право въ Лифвѣ и Польшѣ“ (М. М. Н. пр. 1862); Волынского: „Петръ Могила“, Грушевскаго: „Бѣлорусское староство“.

2) Вильненскій центральный архивъ, гдѣ хранятся дѣла Литовскаго главного трибунала, жалованные грамоты великихъ князей, литовскихъ и польскихъ королей и актовая книга разнообразнаго характера. Изъ матеріаловъ издано: „Собраніе древнихъ актовъ и грамотъ городовъ Минской губерніи“, Скашвеса Тирломатовъ 2 т. подъ ред. проф. Даниловича и др. Матеріалами пользовались въ своихъ трудахъ: Васильевскій (о гербѣ и гербахъ гор. Вильны), С. Белицкий (Литовскіе евреи (1388—1562)).

3) Главный архивъ царскаго Польскаго, важнѣйшую часть котораго составляютъ книги, т. е., коронныя метрики, заключающія жалованные грамоты, привилегіи, дипломы, выдававшіеся городамъ, монастырямъ, корпораціямъ и пр.; затѣмъ дипломатическіе акты. Этотъ архивъ прекрасно описанъ. Отсюда извлекли нѣкоторые матеріалы: Иванушевъ („Одворянскіе провинціалы въ юго-западной Россіи“ К. 1876), Любовичъ („Церковная реформація въ Польшѣ въ XVIII“).

4) Въ третей категоріи относится Харьковскій Историческій Архивъ, являющійся въ настоящее время однимъ изъ выдающихся провинціальныхъ собраній историческихъ документовъ: въ немъ сосредоточены важнѣйшіе матеріалы, касающіеся внутренней жизни въ XVIII в. обширной территоріи

политических губерний: Харьковской, Полтавской, Черниговской и оубаси
 бурской, Воронежской и Екаѣринославской. Они сохранились, главным
 образом, изъ дѣловъ малороссійской коллегии; заѣхъ съюда вошли
 дѣла генеральной войсковой канцелярии, Черниговскаго градскаго
 суда, полковной канцелярии гр. К. Разумовскаго. Подокументаль
 Бороков. Искор. Архива написанъ: Багаловичъ „Очерки новъ истр-
 бѣхъ колонизаціи и бытѣ сѣпной окраины Московскаго государ-
 ства“, Ерищенко „О Понувоткѣ“, Тимченко „Протестъ словобской
 дружины и казаковъ противъ реформы 1765г.“ въ Кіев. Стар. 1888г.
 Миллеровъ „О превращеніи казачьей старшины въ
 дворянство“ Ibid. 1844г. 1-4.

Существуетъ еще множество архивовъ, какъ-то: архивы генералъ-гу-
 бернаторовъ: Московскаго, Оренбургскаго, Рижскаго, Виленскаго, Ви-
 стьскаго, архивъ главнаго управленія казначейства Кавказа; дѣлныя
 дѣла губернскихъ, городскихъ, войсковыхъ, сословныхъ, среднихъ,
 высшихъ и пр. архивовъ, и многонимыхъ важное значеніе для
 русской исторіи, особенно для оубасной. Но касаясь монастыр-
 скихъ и фамильных архивовъ, то, не говоря уже о брѣхъ, что
 они весьма разбросаны во множествѣ по великой имперіи Рос-
 сіи, пользуются ими болѣе или менѣе затруднительно. Изъ
 фамильных архивовъ болѣе цѣнными являются:

1. Воронцовыхъ, ведущій свое начало со времени Елизаветы
 Петровны и находящійся нынѣ во владѣніи князей Шу-
 вальскихъ. Лица этой фамилии дорожили своими проимен-
 и, потому ихъ архивъ находится въ образцовомъ поряд-
 кѣ, что даетъ возможность извѣсть единственныи въ своемъ родѣ
 оубасникъ: „Архивъ гр. Воронцовыхъ“, вышло болѣе 40 т., изъ кото-
 рыхъ материалы Елизаветинской и Екаѣрининской эпохъ, а
 также первой половины XIX в.

2. Не менѣе историческій интересъ представляетъ ар-
 хивъ князей Курякиныхъ, изъ которыхъ важными оказы-
 ваются дѣла князя Александра Борисовича Курякина,
 находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ Павлу Петро-
 вичу, какъ царевичу, такъ и императору, и исполнявшаго

важныя дипломатическія порученія при Александрѣ I. Его бумагами воспользовался Селевскій.

3) Графа М. С. Мордвинова, игравшаго видную роль при Александрѣ I; бумагами изданы его внукомъ А. А. Мордвиновымъ.

Наконецъ, гробы заключить очередь Гранинскихъ, ука-
зать на болѣе извѣстные музеи и библіотеки. Сюда нужно отне-
сти Императорскую публичную библіотеку въ С. Петербургѣ,
гдѣ хранятся рукописные материалы, относящіеся къ различнымъ
періодамъ русской исторіи. Эта библіотека по своему сожа-
лу и богатству принадлежитъ къ величайшимъ въ мі-
рѣ собраніямъ книгъ, уступая лишь французской
національной библіотекѣ и британскому музею. Много-
численные материалы императорской публичной библіо-
теки вошли въ разныя изданія археографической ком-
исіи и археографической комисіи и русскаго истори-
ческаго общества.

2) Затѣмъ Румянцевскій музей (имени канцлера гра-
фа Николая Петровича Румянцева) въ Москвѣ, нача-
ло которому положено было собраніемъ книгъ и руко-
писей гр. Румянцева.

Обзоръ источниковъ.

1. Летописи.

(Библиографія.)

Шмидтъ. Ксенографъ.

Строевъ. Предисловіе къ Софійскому
Временнику.

Его же. Олинийской русской летописи
С. 1835.

Его же. О недостоверности русской ис-
рии. С. 1835.

Каченовскій. Обясненіе коимъ времени
въ русской исторіи. Ж. Зар. М. У. и. III, кн. 2.

Погодинъ. Изъясненія, лекціи и за-
писки, т. I и IV.

Его же. О первой русской летописи С. 1875.

Бутковъ. Обзоръ Ксенографовой летописи.
С. 1840.

Перевощиковъ. О русскихъ летопис-
цахъ и летописцахъ. Труды В. А. И. IV.

Вильямсъ. О Ксенографъ летописца. У-
ченія въ М. С. У. 2-го года, № 5.

Сухомлиновъ. Древняя русская ле-

тописи. Записки Потуг. Акад. 1869.

Срезневскій. Чтенія о древней русской летописи. Зап. А. И. К., т. II.

Бесруковъ Юлианъ. О составѣ русскихъ летописей. Летописи закар.
Арх. Ком. кн. IV.

Пископировъ. О Мавренѣвской летописи. Ж. М. К. пр. 1889. 10.

Шахматовъ. Хронологія древнихъ русскихъ летописей. Сводъ.

Лавровскій. Изъясненіе о Якимовской летописи

§ 8. Определение летописей и их значения.

Главными и основными источниками русской истории, на которых научная критическая мысль строит свои выводы и гипотезы, есть летописи, под которыми разумеется подробное описание событий, отличающееся то подробностью отдельных повествований, то краткими замечаниями, содержащими нередко ить двух-трех слов. События в летописи излагаются без всякой прагматической связи; единственная связь — хронологическая.

У каждого народа летописи появляются очень рано и, иногда, когда являясь, хотя бы самыми неопределенными видами, сознание своей народности; когда на сцену выступают герои, выходящая мифа, тогда возникают и повести об этих лицах — зачатки летописного свода. Причины происхождения этих памятников коренятся в самой природе человеческого, которая требует памяти о прошлом и увековечивания его деяний. Отсюда ить громадное значение не только для истории, но и для жизни.

Как частное, так и общественное и официальное значение они имели для князей и дружинников, как главных участников в событиях, описываемых в летописях.

Впоследствии они служили оправдательными документами для воззвания прошлого исторических деятелей, ить родословной и ить вероятных притязаний. Такое официальное значение наших летописей подтверждается не только кратко историческими фактами. Когда в 1176. князь Василий Васильевич судил отворить Шамского перед ханом, то доказывал свои права, по отчеству и дяденьку, а Юрий, искаше престола летописцы и старыми списки. Когда Иоанн III замысливал уничтожить свободу Новгорода (1471), то взял от собого человека, знавшего летописную мудрость, чтобы показать новгородцам ить старинные преступленія против князей и увести ить в то, что достоинство князя существовало издревле. Летописи наши имели, наконец, и юридическое значение, что под-

тверждаешь только, что въ нихъ найдены многіе памятники нашей древняго юридическаго быта: договоры нашихъ первыхъ князей отъ Грековъ, Русская Правда, разные другіе договоры князей, вуровная волинская князя Василюка, а впоследствии даже ханскіе ярмаки.

Еще большее значеніе имѣютъ они для насъ въ настоящее время; правда, они теперь совершенно утратили свой характеръ литературнаго чтенія, который возожили люди стараго времени, но зато являются драгоценными историческими памятниками, заключающими важный матеріалъ для вѣтовой и политической исторіи Россіи съ IX по XVII вв. 4)

§ 9. Изданіе летописей.

Изданіе летописей началось уже сравнительно давно, именно съ 1467 года, когда были изданы Ленинбургскій или Радзивилловскій списки. За ними слѣдуетъ рядъ другихъ изданій летописей, но систематическое изданіе началось только въ 1841 г. „Полное собраніе русскихъ летописей“, изъ которыхъ уже издано 15 т.: въ I т. — Лаврентьевская и Троицкая, во II — Ипатьевская и Густынская, въ III — три Новгородскія, въ IV — Четвертая Новгородская и Псковская, въ V — Псковская и Софійская, въ VI — Софійская, въ VII и VIII — Воскресенская, въ IX и X — Никонькова, въ XV — Тверская, въ XVI — такъ назыв. А. Яблони. Въ 1871 году Археологическая Комиссія издала Ипатьевскій списокъ и тогда же фото-литрографическое изданіе начальной летописи по тому же списку; впоследствии появились фото-литрографическія изданія начальной летописи и некоторыхъ другихъ. Въ 1897 г. вышло III изданіе Лаврентьевской летописи. XIV

§ 10. Очеркъ историческаго развитія вопроса о летописи.

Неудивительно, что въ виду громаднаго значенія летописей, изученіе ихъ началось одновременно съ возникновеніемъ науки русской исторіи. Въ настоящее время по этому предмету существуетъ громадная литература; много положеній общаго и спорныхъ, но много уже и такихъ, рѣшившихся прежде неудовлетворительно, теперь не возбуждають болѣе сомнѣ-

ний. Въ XVIII в. относительно нашей первоначальной летописи господствовало мнение, что она принадлежит иному Киево-Печерской Лавры Нестору, так как на некоторых списках встречается это имя и почти все русские историки этого времени считали летопись отрывкомъ самостоятельного трудовъ Нестора и придавали всему, что заключалось въ летописи, значение историческаго факта по своей достоверности.

В. Н. Матильда, написавший „Историю России съ древнейшихъ временъ“, которая по своимъ достоинствамъ выдвигалась изъ числа историй этого времени, первый съмнилъ критически относиться къ летописному памятнику и отвергнулъ въ немъ некоторый баснословный элементъ, но все же онъ сражался за принадлежность первоначальной летописи Нестору. Это же мнение держался и известный изыскатель этой летописи князь-академикъ Августъ Миссеръ и объяснял несогласие списковъ и явные выкладки невольными переписчиками, на которыхъ и возлагалъ свое неодобрение. Онъ даже предпринялъ трудъ возстановить тексты Несторовой летописи по средствамъ сравнения и критическаго разбора различныхъ списковъ. Многие Миссера касательно древней летописи держался и его покровитель по этому вопросу Н. Карамзинъ. Новое появившееся время, когда стали внимательней изыскать содержание этой летописи, стали приводить къ иному выводу, именно, что летопись далеко не такой цѣльной памятникомъ, какъ думали Миссеръ и Карамзинъ.

Скептическая школа. Новъ 20-е годы XIX столѣтія такъ называемые скептики, во главе которыхъ стоялъ проф. Моск. Ун. М. П. Каменовскій (историкъ), заподозрили даже древнее происхождение Повести временныхъ лѣтъ. Скептики основались на томъ фактѣ, что стили нашихъ летописей не восходятъ ранѣе XII и XIV и стали утверждать, что это есть привнесение X или XII в. и для более древнихъ временъ имѣетъ мало значенія. То, что мы называемъ летописью Нестора, по мнению скептиковъ, имѣетъ въ своей основѣ монашескія записки, ко-
 1

роизводили Нестора, и позднейшие списатели его разукрасили баснями Каленовский (и Строев), относя летописи к XIII и XIV вв., но при этом никак не ввиду явного указания в летописях на время существования в начале XIV в. должны были, конечно, признать подлинность летописи. И действительно, как скептики и апостолы на летописи, потому что не видели в возможности соображения летописи в XI-XIV в. по соображению образованности в России в то время.

Таким образом Исаев превращает в *tabula rasa* нашу историческую жизнь до призвания князей и видя в ней *tabula rasa* одну лишь черту нарисованную варварства. Наши скептики превращают в *tabula rasa* от греческих черт нарисованную варварства и первая времена нашей княжеской Руси, уничтожая греческий и призывая князей и всю культурную работу отчасти Карамзинской, которая так занималась нашими греческими чертами и в греческом числе Исаева.

Эта скептическая школа, надо заметить, образовалась под влиянием исторического метода Кибур, изгнавшего своим изслыдованиями все мифологическое из Русской истории. Таким мифологическим вояком наши скептики признавали все время до Владимира на греческом основании, греческая история являлась на сцене вездь того же времени признавая христианства. Высшая критика, по мнению скептиков, должна состоять в строгом сличении наших доманических извещений с иностранцами, что отняли и Исаев, и, кроме того, в строгом соображении наших событий с ходом их в Западной Европе. Сравнительный метод изучения нашей истории и истории других народов стал для нашей школы скептической.

Юматовская школа. Этому скептическому направлению незамедлительно вскоре явилась реакция в лице Яковлев противников скептической школы. Погодина и Сухомов, которые снова восстановили религию летописей, пошатнули скептиков.

М. Н. Погодин в своих лекциях не отрицает, что в нашей летописи есть истинности, прибавки, кривды, о смерти Олега, о мучении древлянских Олгов, о посылании Владимира о предположении войны, по сравнительное широкое изложение Несторовой летописи и иностранного свидетельства о России и вообще летописей дружных народов приводит его к заключению, что наша летопись имеет необыкновенную достоверность и составляет ее, Нестор, заслуживает величайшего уважения. Маркграфский летопись доказательство Погодина, упреждение на богатство у Нестора южных изысканий, особенно упреждение на поразительное множество географических данных, которых никто не может опровергнуть, дали Погодину возможность осветить значение нашей национальной летописи ясным светом.

П. Т. Бутков в своем сочинении „Оборота русской летописи Несторовой от кавказских скептиков“ выступил также против поспешных и упрекающих в несправедливости по отношению (по отношению) к нашим древним памятникам и к культурному достоянию нашего древнего прошлого. Он широко раздвинул область исследования для выяснения культурного состояния России в XV в., когда появилась наша первая летопись; выяснил значение крестного, просветительного влияния на нас Византии и просветительное значение Киево-Печерского монастыря, раскрыл, как в этом монастыре сосредоточивались летописи и в равной мере Россия, и что обращало на себя внимание в свое время. Все это утверждало Бутков в подтверждение, что в Киев действительно написана та летопись, которая известна у нас под именем Несторовой и что для объяснения происхождения этого памятника надо кавказские прибавки к предположению, что предварительны существовали так называемые монастырские записки.

В первой части своего сочинения Бутков развращает с большим знанием и большим научно-иностранной летописи о России для выяснения ее характера и объяснения достижений древнерусской культуры и древнерусской летописи. Во второй же части своего сочинения он решает главный вопрос — о Несторе и его летописи.

После Погодина и Буткова, так жарко разгоравшихся за Нестора, заявили новые сильные отношения с Н. С. Кавзанский, удерживавший противоречия, существовавшая между сочинениями — „Сказание о Борисе и Глебе“ и „Житие Феодосия“, принадлеж-

нами, несомненно, монаху Нестору и самому летописцу, кто за-
мечательны эти сочинения. Тот, чье сочинение вошло в летопись, говорит,
что он пришел к Феодосию, а Нестор в „Житии Феодосия“ говорит,
что он пошел к приаминскому Феодосию Стефану и о Феодосии гово-
рит уже по преданию. Следовательно, что равносудно Бориса и Глеба в
летописи принадлежит не Нестору, а Такову Черноризцу. Впоследствии др.
Казанский утверждает, что надо отказаться от мнения, что
самый свод сочинений Несторова.

§ 11. Вопрос об авторе русской летописи.

Таких же образом, Казанский, признавая древность летописи,
отвергает только принадлежность ее Нестору и, не решив, кто же
она? — оставил этот вопрос открытым, предоставив его решение
следующим русским ученым.

Прежде ученые, утверждая единогласно, что автором древнерус-
ской летописи был Нестор, основываясь свое мнение на том, что
названо на том, что во 1^е, в новгородских списках говорится
о Несторе; во 2^е, в послании иже к нему Печерского Помикаря от
Александра говорит, что Нестор написал в летописи житие св. Дании-
ла, Герасима и др.; во 3^е, в Воскресенском списке под 1091 г. равносуд-
ство упоминает о себѣ при открытии мощей св. Феодосия рек. др.; др.
же ученым, аже и летописаніе се въ то время писаша, вѣсть рогаию
кашахъ копаръ и т. д. Между темъ въ Петербургскомъ Материалъ нави-
дѣнія иже, которое было при открытии мощей Феодосія; др. иже — Несторъ.
Къ позднейшая историческая литература обратила внимание этого
вопроса и не только и подтверждаетъ все вышесказанное вѣру-
я въ Бестужева-Волынского, Срезневского, Сухомлинова и цѣлаго ря-
да другихъ изыскателей. Капитальное сочинение Бестужева-Волы-
нского, разрабатывая вопросъ о составіи древнерусской летописи, ут-
верждаетъ, что она не принадлежитъ Нестору, какъ отъ монополизатора,
а представляетъ сборникъ, и что источники этого сборника могутъ
быть определены. Бестужевъ-Волынский весьма удачно исполнилъ
эту задачу. Еще раньше признавалъ это Сухомлиновъ въ своемъ изыс-
кованіи о русской летописи, какъ о памятнике историческомъ.

Равнина между двумя двумя традициями заключается в том, что Сухоминков определил все равнообразие источников, как туземных, так и иностранных; указав на замещение из Ветхого и Нового Заветов; указав и на другие замещения, на народный элемент, на предания и пр. Словом, Сухоминков совершенно ясно расценил первоначальную работу на ее составные части. Бестужев-Рюмин тоже определил туземные источники и летописи: это были краткие записки, которые могли вестись в монастырях; записки, которые могли отписываться характером частным; в них упоминались семейные дела князей, т.е. год и день рождения и смерти того или другого князя - все это в кратких чертах. С другой стороны, это были обширные повествования светского или духовного характера. Повествования светского характера отражают в основном материальную жизнь князей, и, как видно из содержания, они отписывались самодельными характером и представляли собою вставки в летописи. Это же касается духовного характера, то сюда входят разного рода жития, напр. Водосия, Бориса и Глеба, рассказы об основании Киево-Печерской Лавры и др. Кошмаров отписывает третий источник русской летописи - а именно народный и предания. Сюда относятся баснословные сказания о смерти Олега, о походе Русов на Византию. В этой точке зрения он продолжает все летописные рассказы и отписывает все же предания. При разборе этого труда Кошмаров оказывается, что не какие предания являются домыслами книжников и переписчиков, которые должны передаться в летописи, чтобы не было больших отрывков части отрывка в преданиях народных. Мы видим, что Кошмаров не был автором летописи; не же был-ся автором, или-ли это сверженная или духовная книга? - все говорит в пользу последнего. Литературная деятельность возникла у нас совершенно введения Григорьева и т.о. она по-прежнему церковно-религиозный характер. Иные же были летописцы были лица духовные: иерей в Выдубецком монастыре Симеон, еп. Гоманский и др. В Радзивилловском списке на картине в виде свертка изображены монахи; это типичное изображение в новейшей литературе в лице Тихона в драме "Борис Годунов". Наконец, монахи в это время не были удалены от жизни, они принимали участие в государственных политических вопросах. Духовная книга является во

качества пословъ съ крестными грамотами; следовательно, они шире
 знали о ходе переговоров, они сопровождали князей въ походы.
 сами князья являлись въ монастырь и просили благословеніе на походы, сооб-
 щить о походахъ. Сюда же съходили лица изъ различныхъ областей
 и могли передавать рассказы о своей родинѣ; наконецъ, и для самого похода
 монастырь являлся канцеляріей. Отсюда и объясняется присутствіе въ мо-
 ныхъ значительнаго количества монастырскихъ сказаній и религиозно-благос-
 ловенныхъ речей по поводу различныхъ событий. Но на ряду съ духовными
 авторами могли быть и светскія лица, и особенно сообщенія, особенно касаю-
 щіяся войны, изображающія съ такою подробностію, какая недопустима писцу ду-
 ховному. Ипатьевскую летопись составляли и духовные и светскія лица.
 Светское факты, попадающіяся въ летописи, обнаруживаютъ несомненно
 официальный характеръ; напр., въ Киевской летописи Ипатьевского спи-
 ска сообщается о томъ, какъ великій князь пользовался летописью для своей
 цели, именно, онъ велѣлъ вписать въ летопись хранилищу жидей Бережъ.
 Иоаннъ III, отправляясь въ Новгородъ, взял съ собою диакона и летописца, чтобы
 указывать новгородцамъ на ихъ неправды. Въ это время, т. е. въ XIV и XV вв. летописи
 этой фактически принимали официальный характеръ; онъ мало по малу
 превращался въ разрядную книгу, которая должна была въ значительной
 степени и представлять своего рода летописные записки, но официального
 характера. Теперь въ летописи могли входить только такіе рассказы, ко-
 торые были интересны великому князю. Такое изменение въ характе-
 ре летописи свой въ связи съ переходомъ государственного быта въ XIV и XV вв.
 Главная особенность летописей этого времени, являясь идея централизации, а это
 должно было отразиться и на летописи. Книжное украшеніе, криво-
 криво проявляясь въ летописи и особенно въ областныхъ. Оценка одного
 и того же события въ различныхъ летописяхъ различна: удобного автора (Роско-
 ша летописи) господствуетъ скорбное чувство; онъ оплакиваетъ паденіе древня-
 го быта и самоотраженіе своего родного города, именуя темъ какъ о ро-
 дины другого летописца (Московского въ Китежскомъ епископѣ) не-
 бита не являются не только крамолами и вѣдниками, которые дол-
 жны были унижаться, но даже прощали и вѣдниками, вѣдниками
 на вѣдь въ всякого пониманія. Есть еще одна черта кисти
 древней летописи, заслуживающая вниманія, — это строгая система

миссия, которая заставляет летописца представлять свои умные домысли, воображения и гипотезы, хотя большинство из них очень бледны. Досих пор на эти гипотезы смотрели как на народные предания; они являются теперь всё недостаточными, но все же выступают, как отголосок старой отрывчатости. Так смотрели на этот вопрос Костомаров и другие. Но гораздо правильнее видеть в этих прозе умные домысли летописцев. Таких, напр., характеров описания и в известие наше летописца о переселении славянъ въ Дунаю. Костомаров указывает на важное значение Дуная въ народных песнях, но, по видимому, отрывая отъ связи съ книжными преданиями нашего летописца древней этнографіи Восточной Европы. Говоря это, мы не отрицаемъ существованія очень многихъ преданій въ летописи.

§ 12. Происхождение летописей.

После всѣхъ предположеній предъизданныхъ замечаній мы можемъ поставить вопросъ: каково происхожденіе древней летописи? Еще Шлегель высказалъ мнѣніе, долго господствовавшее въ наукѣ, что Новгородскіе летописцы представляли подражаніе византійскимъ образцамъ, а именно, они ставили се въ прямую связь съ византійскими хрониками; новгородскіе летописцы, одно затрудненіе, которое и до настоящаго времени не вполне устранено. Оказываясь, что мы не можемъ указать въ византійскомъ летописаніи такихъ образцовъ, которыхъ, изобрѣвъ, подражали авторъ летописи. Эта невозможность привела къ противоположному мнѣнію, что русская летопись должна быть поставлена въ связь не съ византійскими, а съ западно-европейскими хрониками, или, такъ называемыми, анналами. Въ исѣдѣніи, было сдѣлано русскую летопись съ латинскими анналами. Указъ, какъ и тамъ, одно и то же событіе, расчленяется на двѣ и болѣе частей, если оно не случилось въ одинъ годъ; и тамъ, и у насъ существуютъ нѣкоторые годы. Такихъ образцовъ, эти хроники являются наиболѣе характерными признаками летописей. Но объяснить такое сходство нашихъ летописей съ западно-европейскими анналами не было никакой возможности. Никто не могъ допустить непосредственнаго заимствованія нашихъ книжниковъ съ западно-европейскими анналами, написанными на латинскомъ языкѣ въ такое раннее время. Тогда пришли къ другому заключенію, что источники западно-европейскихъ анналовъ и нашихъ летописей были одни и тѣ же и именно, такъ называемые поскольные таблицы и даже удалось найти такія рукописныя крат-

записки на пасхальныхъ таблицахъ, относящихся къ XIII и XIV вв. Впервые записки христианскаго, еще до официального принятія его при Владимирѣ Святославичѣ, вопросъ о празднованіи Пасхи и друиныхъ подвижниковъ должны были получить важное значеніе. На основаніи записокъ можно установить правноту Пасхи, т.е. считать вычисленія 12 в. въ 12 в. Кирилъ написалъ, что не водати челоуку число вѣсехъ мѣсяцъ, законно, пододнаго рода таблицы могли существовать и раньше. Недаромъ въ нашей летописи вѣроятнѣе таблицы церковной астрономіи и пасхальныи и др., вѣсехъ мѣсяцъ, кругъ мѣсяцъ, кругъ солнца; но ни практическаго значенія въ летописи не имѣютъ. Это, повидимому, остатки воспоминанія о прѣжнихъ вѣсехъ. Наконецъ, фактическимъ подтвержденіемъ этого является самая пасхальная таблица съ записками, найденная въ одной старинной рукописи Синодальной библиотеки отъ XIV в. Оказалось, что эти записки представляютъ крайнюю редакцію летописныхъ извѣстій; напр., подъ 1016 годомъ въ пасхальной таблицѣ написано, Борисъ, а въ летописи повѣршились годомъ говориша отъ іерействъ Бориса. Подъ 1218 в. въ таблицѣ стоитъ, Юрѣва рать, а въ летописи разсказываея о войнѣ новгородцевъ съ великимъ княземъ Юриемъ. Подъ 1237 г. въ таблицѣ стоитъ, Татарско, а въ летописи разсказываея о татарскомъ нашествіи. Такимъ образомъ, краткія записки на пасхальныхъ таблицахъ являются по всей вѣроятности первоначальной основой болѣе подробныхъ историческихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ летописи, но можно сказать и наоборотъ, что пасхальная таблица — сокращенная летопись. Все-таки, не оцѣня вполнѣ доказательнаго положительнаго объясненія, мы признаемъ ее наиболее удачною.

§13. Время возникновенія летописи и мѣсто ея написанія.

Теперь является другой вопросъ, когда возникла летопись? При рѣшеніи этого вопроса слѣдуетъ различать краткія летописныя записки и своды этихъ записокъ, редакцірованныя и собоиленные въ болѣе или менѣе обширныхъ летописяхъ, которыя должны были существовать очень рано. Безъ сомнѣнія, такіе записки въ видѣ краткихъ летописей существовали въ X в., но составленіе древняго летописнаго свода или какъ нѣкогда „повѣсти временныхъ мѣсяцъ“, ка-

авантис рукописи, по имени владельца или переписчика — Ипатьевской, Лаврентьевской (переписчикъ Лаврентій), Кирилловской. Тасю и севернен-
но исправлено влисто слово „спіскови“ употребляютъ название списковъ.
Всѣ дошедшіе до насъ списки мѣнялись на несколько категорій: по со-
дѣржанію, или, правильнѣе говоря, по мѣсту описывавшихъ или собо-
ра, мѣстописи дѣлаются на кѣсколко разрядовъ, раздѣляющіеся въ
спіскахъ для параллельной иероглифической: „Кіевскія, Псковскія“ и т. п.
Мѣстописи одного и того же разряда бываютъ другъ о друга или вы-
ходятъ изъ одной, или изъ различныхъ, и на этомъ основаніи мѣстописи
дѣлаются на редакціи, напр., первоначальная, мѣстописи составляютъ оу-
дѣльный разрядъ. Теперь эти разряды могутъ быть или южной или се-
верной редакціи. Ипатьевскій списокъ по разряду принадлежитъ къ
первоначальной мѣстописи, а редакція его — южная; Лаврентьевскій
же принадлежитъ къ южной разряду, или въ северной редакціи.
Влисто термина „редакція“ употребляютъ слово „изводъ“: влисто
того, чтобы сказать: Кіевская мѣстописи южной редакціи пово-
растъ: Кіевская мѣстописи южного извода. Иногда подъ редак-
ціей разумеется форма изложения, большая или меньшая
распространенность. Наконецъ, по времени списки дѣлятся на
древніе и новыя; къ числу древнѣйшихъ относятся Синодальный
(10^й полов. XIV в.), Лаврентьевскій, Ипатьевскій и др.

Теперь перейдемъ къ обзору отдельныхъ мѣстописей.

„Повѣсть временныхъ лѣтъ“

Вопросъ оъ ея авторѣ. Долгое время думали, что первоначаль-
ная мѣстописи не естъ сводъ а мѣстописи, принадлежащая преп. Кесѣ-
ру, иноку печерскаго монастыря. Это мнѣніе основывалось на томъ,
что, во-1^ю, въ новгородскихъ спискахъ (Новгородскихъ, Архивныхъ
и въ изводныхъ Патриарху и недочитанныхъ до насъ) стоитъ имя Ке-
сѣра; 2) въ памятѣ Печерскомъ, въ послѣднѣ и русскія Печерскаго Полу-
сара къ Акиѣдону расставляются, что Кесѣрь написалъ Экѣрасъ Ва-
сиана, Герасимъ, Матѣя и Исаакія, а оу житія послѣднихъ въ мѣ-
стописи; 3) въ Воскресенскомъ спискѣ мѣстописи говоритъ осѣтъ, авт-
оръ угодный, и же и мѣстописи се въ то время писавъ взавъ

и такую, которая прилагается к концу; в Пафрии же Печерских монахов, бывший при открытии мощей св. Водосия, назывався Нестором. В других древних летописных списках подъ подготовимъ говорится: „къ нему же (Водосию) иже приходъ худой и недоури- ный радъ и пріять мнѣ сущю Нмѣю отъ раждѣнія шло“. Таковыя артефакты за Нестора, автора „повѣсти временныхъ лѣтъ“. Кто въ самомъ дѣлѣ, доказывающъ эти артефакты? Только то, что въ Печерскомъ монастырѣ тѣмъ монахомъ и летописцемъ Несторомъ, по какому летописи онъ писалъ, — неопровержимо, можетъ быть летописи Печерскаго монастыря, которая въ отрывкахъ мѣла войти и въ Первоначальную летопись. Изъ Печерскаго Пафрия мы знаемъ, что въ концы лѣтъ въ Кievo-Печерскомъ монастырѣ дѣйствительно жили монахи Несторъ, принявшіе отъ Юда не при Водосіи, а при его преемникѣ Стефанѣ и написавъ житіе Бориса и Глеба, св. Водосія и некоторыхъ др. и мнѣ- стныхъ летописи. Мощи его и доселѣ находятся въ лаврѣ. Но житію Нестору не принадлежитъ первоначальная летопись, такъ какъ можно указать на множество равномасій между летописью и тѣми свѣдѣніями, которые находятся въ сочиненіи, принадлежащемъ кесаритинно Нестору. Въ житіи св. Бориса и Глеба говорится, что во Владиміра не было ни одного отъела на Руси, а въ летописи говорится, что ап. Андрей ходилъ по Руси и распространялъ христіанство. Для насъ не важно, ходилъ или не ходилъ ап. Андрей по Руси, но важно самое равномасіе, свидѣтельствующее отъ того, что авторы этихъ сочиненій были разнородны. Въ житіи говорится, что Владиміръ далъ Борису Владиміръ Владимскій, а въ летописи — Ротуръ. Въ житіи говоритъ, что чудотворцы привели Бориса въ Святую Русь уже мертвыми, а въ летописи говорится, что сами Святую Русь приказали дожить еще живого Бориса. Можно указать также на противорѣчіе между летописью и другими сочиненіями Нестора — „Житіемъ Водосія“. Наконецъ, была указана существенная разнота между автентичною летописью и автентичными сочиненіями, принадлежащими Нестору. Заключая, на основаніи, мозаичный характеръ летописи указываютъ на противорѣчія въ самомъ летописи. Еслибы Несторъ былъ авторомъ и составителемъ летописи, то было бы очень странно, что основаніи Переяславля послѣ 993 годовъ, соединивши раннее послѣ 904 лѣтъ оро торговлю съ Визанціей; и что Несторъ говоритъ два раза о приходѣ впервые печенеговъ на русскую землю и т.д. ? Скорѣе можно думать, что первоначальная летопись есть сводъ, въ которомъ мы можемъ указать наиболѣе его источники. Сводъ этотъ заканчиваясь началомъ

Равномасіе

2) Внѣ
мѣстѣ

3) Внѣ

3) Борис

4) Внѣ
разнота

5) Основаніи

переходъ
переходъ

6) Внѣ

и другие на 1113, 1115, 1116 и т.д. Завсеголь сурать съ этого списка
доседа разностина разнища въ отгдѣльных спискахъ: очевидно съ этого раз-
личия списки разпадаются на различные редакци. Составление св-
дѣств. нужно брать на основаніи, напр, такихъ известій, какъ извѣ-
стіе Завсеголь Киревича; получившаго Дорогобужевъ, о немъ сказано: „въ
1113 году (Дорогобужск) уири“, а черкъ оны въ 1113 году.

[illegible]

§ 15. Учтеникии свобда.

Большое всего замечено у мѣстописца или видимаго у сѣв. писанія,
чтобы покаяно, или ии пришесть во вниманіе волея и доброты
мѣстописца. Мѣстописецъ писанъ еще въ то время, когда христіан-
ство еще утвердилось не вполне, когда во мѣстописцѣ мѣстоимѣе
своими своими оублаженіи. Мѣстописецъ же, передъ темъ, какъ
было въ сѣверіи, не мѣстоимѣе оублаженіи, жившихъ въ
древности Россіи. Упомянутое о азыческихъ оублаженіи и вѣрованіи
напоминало мѣстописца на мѣстоимѣе оплотнѣнностіи и
мѣстоимѣе во мѣстоимѣе покаяно и отъискуваніи, открывающаго
мѣстоимѣе утѣшеніи Христа. Такимъ образомъ, тексты авианот-
на большаго частію сами собою, вѣнчавшіе предѣлы повѣствованія.

2), Наряду съ св. Писанием мѣтотписецъ пользуется „Памей“. Подъ именемъ „Памей“, какъ особаго сочиненія, извѣстно изложеніе ветхозаветной исторіи съ добавленіемъ современнѣйшихъ трюковъ и вѣравокъ изъ книги апокрифическихъ. Изложеніе имѣетъ характеръ полемики противъ иудеевъ и отчасти противъ малайтанъ. Связь между свѣдомъ и „Памей“ не подлежитъ сомнѣнію, что особенно видно изъ мѣтотписныхъ извѣстій подъ 936. о предположеніи вѣры Владиміру — это находится и въ Памей. Отъзвъ греческаго миссіонера о вѣрѣ Болгаръ, приведенный въ мѣтотписи, объясняется полемикой Памей противъ малайтанскаго. Въ мѣтотписи сравненіе поклонниковъ Малайи съ иудеями Свѣдомъ и Болгары не имѣетъ нарисованнаго смысла, который открываетъ только по сравненію съ Памей. Почти угаданія на ложное зрѣніе малайтанъ и иудеевъ помѣщена въ мѣтотписи проповѣдь греческаго миссіонера, въ которой съ большою подробностью излагается ветхозаветная исторія. Въ оныхъ изложеніи основа держанія библейская.

Сила въ свѣдѣніи мѣтотписца въ Памей и мѣтотписи, приходящихъ къ заключенію, что большая часть ихъ перешла изъ Памей въ мѣтотписи и только нѣкоторыя внесены изъ мѣтотписи въ Памей.

3) Третьимъ замѣриваніемъ мѣтотписца является исповѣданіе вѣры. Символъ вѣры, который приведенъ въ мѣтотписи, какъ преподаваемый Владиміру при крещеніи, есть сокращеніе того Символа, который гораздо пространнѣе излагается въ греческихъ сочиненіяхъ, какъ, напр., въ исповѣданіи вѣры Михаила Синавля. Если сравнить мѣтотписный символъ вѣры и — Михаила Синавля, то не будетъ сомнѣнія, что мѣтотписный Символъ есть произведеніе не оригинальное русское, а переводное.

4) Далѣе и нашего мѣтотписца алфавитъ замѣриванное житіе Кирилла и Мефодія. Въ нашей мѣтотписи подъ 898 г. говорится о намѣреніи уружь и войнѣ съ моравцами и чехами, прикасающимися къ племени славянскому. Для славянъ въ это время переведены были святыя книги, придаваясь мѣтотписецъ, отъ чего сама грамота называется „славянская“, употребленная въ Русіи и Болгаріи. За упомянутіемъ о грамотѣ мѣтотписи сообщается самая обстоятельная переписка книгъ: говорится о призывѣ къ этому делу Кирилла и Мефодія, объ изобретеніи алфавита, о

на св. братьевъ и, наконецъ, о совершении или подвиговъ, къ которымъ призваны. Вторгнѣя зрѣя о первоначальномъ мѣстописецѣ почер-
тѣхъ прелиминарныхъ и въ, такъ назыв., каноническихъ житій, писан-
ныхъ по славянски. Внимательное сличеніе мѣстописи и сказаній о Ки-
риллѣ и Меодіи привело издателя Тарского къ заключенію,
что не только описатель пользовался мѣстописью, а мѣстописецъ описан-
іемъ.

5. Въ повествованіи о крещеніи Владимира и всей земли Руской мѣ-
стописецъ нашъ сегодовалъ автору „житія блаженнаго Владимира“, ко-
торое въ вероятности можетъ быть приписано монаху Іакову, рус-
скому писателю 11 в. Такъ какъ многія событія описаны въ мѣсто-
писи подробно, чѣмъ въ сочиненіи Личина, то одно время возникъ во-
просъ о томъ, не заимствовалъ ли авторъ житія у мѣстописца? Но
тщательныя изысканія доказали, что мѣстописецъ заимствовалъ
отъ монаха Іакова, а не наоборотъ. Подтверждаея зрѣя тѣмъ древнѣй-
шими, которые находятся въ житіи и многими особенностями
выраженій, отличающими въ мѣстописи повѣствованіе
отъ сравненій съ авторомъ „житія“.

6. Церковн. Бориса и Глеба. Сочиняея сокращеніе пространнаго жи-
тія, сочиненнаго монахомъ Іаковомъ, авторомъ только что ука-
заннаго житія Владимира.

7. Како такое вѣроуемое въ мѣстописи выдержки изъ поученій
пр. Феодосія Печерскаго. Мѣстописецъ, описывая нашествіе на русскую
землю половцевъ и побуждая на добръ русскими князьями, говоритъ,
что все зрѣя Божь попустилъ за грѣхи наши. Забывая приводится поуче-
ніе Феодосія о грѣхѣ прилипать, выдержки которыхъ Божь попуска-
етъ нашествіе иноземныхъ. Поученіе передается дословно,
что видно изъ сравненія его съ текстомъ мѣстописи. На Феодосія,
какъ на автора поученія „оказнаго Божіихъ“, внесеннаго въ мѣ-
стопись указалъ и Востоковъ.

8. Въ числѣ событий, описанныхъ послѣ 1097 года, главнѣе
мѣсто занимаетъ „опытскіе Васильскіи Ростиславича“. При описа-
ніи какъ самаго злодѣянія, такъ и близкаго къ нему про-
исшествія, мѣстописецъ пользовался письменными разсказами

того Василия, который вель перевооры съ осиготеннымъ княземъ. Сюда же нуино брестъ сказанія буратъ Роговича въ Шоръ и дзурмовъ. отрывное сказаніе о Покерскомъ монастырѣ; думовое завоуваніе Мнотомара; письмо Мнотомара къ Олену.

9. Кроме русскихъ сочиненій илюстрисцы наши повоуовались и византійскими истроникими, на чѣхъ указываютъ и сожравъ илюстрисы и совсрвенные слова илюстрисцы, означавшія иногда, откуда илии поертнуто то илии другое иввостіе. Между византійскими хронистами вимоневская ствартъ къ нашимъ илюстрисамъ Георгіи Амартонъ. Въ древней илюстрисѣ приводятся неоднократно илюстръ ивъ его хроникѣ поразнымъ поводомъ и ивъ равныхъ частей ея. Отсюда иввостъ заключить, что древнему илюстрисцу иввостъ на была хроника Амартонъ вовсемъ ея одвостъ. Вторую ивъ первоначальнаго свода сдраныи иввостуи заимствованія: сказаніе о кравахъ и одвостъ равныхъ народовъ (взато цвмилонъ); вторгнія о раздвѣжии заими иввосту потомилами Ноя съ перемилеиисъ ссранъ трехъ частей свога.

Сверхъ космографическихъ очерки илюстрисцы заимствованы ивъ гроче истроника разскаръ о нечестивыхъ одвостяхъ Зелиновъ. Въ нашу илюстрисъ перимъ также ивъ хроникѣ иввостуе означеніяхъ, являвшихся въ Теркалнии при Керонъ и оражденіи ребенка съ рожденіи иввостъ при Маврикіи. Сравненіе соотвѣствующихъ илюстръ нашей илюстрисы и хроникѣ Амартонъ показываеъ, чѣхонья заимствования иввостены илюстрисцы въ сокращеніи и своими словами, другія же выписаны дословно.

Истроникомъ для илюстрисы служитъ скорое славянской переводъ, нежели подлинникъ. Хроникѣ Георгіи Амартонъ наивалъ своими истроникомъ самъ древній илюстрисъ, сказавши однажды передъ описаніемъ въѣра равныхъ народовъ: „маломъ Георгіи въ илюстрисаніи“.

10. Далѣе, нашу илюстрисъ охмилеъ на Мевдѣя Падарскаго при разскаръ о нашесви половецъ въ 1096г. У Мевдѣя также заимствовано сказаніе въ антрихисъ и кончикъ мира.

11. Въ илюстрисѣ нахождатъ 4 договора: а) Олега (904) съ царями Ловичъ и Александромъ; в) Олега (912) съ теми же царями;

д) Святослав (945) от царей Романома и сохранили его, Константином
и Василием; д) Святослав (941) от Ванкии Цимисхиса.

Затем идут из древней, большей частью, переведенных с греческого.

315. Предания в Древне-русской летописи.

В летописи замечено, что из письменных источников в летописи находим
также много и изустных народных преданий. Самые древние и едва ли не са-
мые важные во всей летописи есть —

1) предание о переселении асавовъ съ береговъ Дуная въ кыиговитыи Русы.
В летописи наше исторически известное только из нашего летописца. Это др.
предание, древнее предание, а не какое-нибудь книжное измышление, это
подтверждает для нас и теперь значение Дуная в поэтическом языке
русского, имя Дуная употреблено на Руси, как нарицательное имя большой
реки;

2) Предание объ украинъ и о братахъ. Знамя изъ восточныхъ источниковъ
описанныхъ варварскихъ народовъ, летописецъ приписываетъ этому
преданию, любивши среди народа. Оно раздвигаетъ первых на двоякомъ и
третьемъ; подъ последними, приписанными ко времени Олега, надо раз-
делить венгровъ, подъ вторыми же ученые признаютъ хозаръ. По-
лучение на черномъ и двоякомъ летописецъ можетъ служить съ го-
лова народныхъ преданий; такое разделение принадлежит въ
источники приписавши нашего народного способа поэтически вы-
ражений. Въ предании же объ о братахъ еще очевидный народный ис-
точникъ. Хотя летописецъ и приписываетъ к асарамъ, по значению слова
др.-византийское прямо указываетъ на распространенное у восточныхъ на-
родовъ представление о великанахъ, впроваждение, грешитъ поэтъ приписавъ на-
шему народу, что в древности люди были велики и сильные, двоякомъ;

3) Предание о родоначальникахъ Радими и Вятии, отъ коро-
ней по летописи происходятъ радимицы и вятичи; о Киев, Щесть и
Лодивъ, которые поселились в городе во имя своего старшего брата
и назвали его Киевомъ. По своему преданию не знаютъ, что радими-
цы и вятичи происходятъ отъ Радима и Вяти, что киевляне были
отъ Киева, но, по последнимъ приписывалось только первое зна-
ние края. Это подтверждаетъ существование грешитъ поэтъ строитъ
подобныхъ воспоминаний и преданий о названии селъ и даже горо-

довы по имени митроуей, впервые поселившиеся в издольной митроуей;
 4. предание о хазарах, властвовавших поначалу и державшихся в
 помощи огуз. Митроуейская и политическая тавность, а также и не-
 возможность того, чтобы поначалу могли давать в дань огуз. по-
 мощи, когда поначалу были родоначальники и державность, указыва-
 ет Ясно на народную историю своего происхождения;

5. Призвание князей. Многие хазары в издольной истории
 повести, но на самом деле оно носит легендарный характер. Казна-
 ние "Виз" восточная ранние призывания князей; известно, напр., о
 Черноморской Руси. Самый способ призывания возмущает со-
 мнений; трудно предположить возможность соглашения двух племен
 в устройстве общей судьбы. Если даже допустить, что было соглашение
 о призывании князей, то как же согласить то, что пришло три кня-
 зя, а не один, да и самое число 3-сказочное. Три образа несообразно-
 стях возникают сильные подозрения, что сказание совершенно о призва-
 нии есть переосмысление признаков позднейших времен, на более
 ранние времена и составилась в то время, когда во восток зашли
 при улавлении князей, развилось поначалу, что князья должны быть
 избраны землей по праву и входить по праву, которое законча-
 лось в народной воле.

6. Предание об Аскольде и Дире. В некоторых летописях
 восточная упоминает Аскольда; арабские писатели упоминают
 Дира; византийские же писатели даже ничего не говорят о нем.
 Наконец, Дироты, упоминавший историю южной Руси по своим
 древним летописцам, не знает никакой Руси, призывавшей
 за моря; напротив, у него имя споконь восток присужден
 земли, в которой он ввел. Но он говорит о призывании восток.
 Поводом восток призывания поначалу свободное изображение.
 Аскольд и Дир, два брата, князья в Киев; они были потомками
 древних князей киевских, которых родоначальники были
 Кий, Щек и Харив. Часть русская, переселившаяся в восток
 край, была недовольна их властью и призывала против них ва-
 рагов, которые и пришли под начальством Рюрика, Синека
 и Трувора. Они стали князьями, так как призывавшие

и таким образом относительно выбора князя из своей среды. Сын из смерти сына Рюрика Игорь коварно укрывшись в Киеве и Рюрика и помощник начал господству в России нового княжеского рода. Это приводит к такому выводу, что в Новгороде, находившемся под властью Киева, образовалась партия, недовольная этой властью, и призвала на помощь смоленских князей, которые тогда господствовали. Противники их ушли в Киев. Между киевскими и новгородскими возникла борьба, кончившаяся тем, что Киев был покорен и тогда было положено начало новому княжескому роду, послужившему впоследствии орудием единения для русско-славянских народов;

7. Предание об Олеге. Предания о нем касаются, главным образом, подвига на персидско-русских писателях, войны с греками и чудесной смерти. На подвиге по инициативе употреблялось по году на каждое. Эта похвальная деятельность и искусственность; обращение к Олегу о радимичах, объявивших войну, можно считать выдумкой, а не хитростью, выражающей совершенно в противоположность народного предания. Погребение Олега и на камнях и на сурдах, и на древних тисах кораблей и на каменных кораблях по чужбине; укажи на сурд, как всегда бывает в народных песнях, — это самая подлинная причина объявления войны. Далее, в погребении на греческом развалинах — иная постановка сурда на колеса, откуда Олег принял от греков предложенные им яства и питье в угождении, что они отравились, тогда же даны в кошмаре 12 гривен на чело (12 — число символов). Наконец, самая смерть Олега, — все это показывает, что на, вначале Олега перемены и реальные вымыслы народного воображения;

8. Предание об Игоре и Олеге. В значительной степени сюжетно отнесен к легендам. Исторической основой служат одно гротесковатые рассказы о славяно-русских писателях. Все же основное — событие Олега и Игоря, и многие древности, устройство дружины на имени Игоря, земли славянские русской земли, как и путешествие Олега в Константинополь и славянские земли, рассказано в летописи в чертах легендарного характера;

9. Предание о Святославе. В повествовании о нем сурд также выражения, выходящие прямо поэтически произведений; это бросается в глаза особенно в описании образа имени Святослава. Как на предание, так

Лист 7²

не сподобляють на нападеніє печенѣговъ на Кієвъ въ отсутствіе Святослава и
ти спалили города какими же находившимися юношей. Подходъ его на Волгѣ,
при всей исторической основѣ, носящей много легендарныхъ чертъ, какъ и са-
мая смерть Святослава отъ печенѣговъ.

Чѣмъ ближе къ концу XIV в., тѣмъ все менѣе видимъ въ летописномъ
источникѣ преданій народа; появляются преданія книжного происхожде-
нія, которые, естественно, образовались въ послѣдствіе принятія христіанской вѣ-
ры и появленія житій и легендъ по византійскому образцу.

§ IV. Летопись Якимовская.

Матринецъ, всегда равносрочной въ дѣлѣ собиранія историческихъ па-
мятниковъ, обратился съ этою цѣлю къ одному своему родственнику Мелхи-
седку Воробьеву. Феоф. Мелхиседекъ бывалъ во многихъ монастыряхъ, и вотъ отъ
него Матринецъ хотѣлъ что нибудь получить. Мелхиседекъ объяснилъ, что
многоуважаемаго имъ, покровителямъ, монаху Веніамину, который пи-
шетъ и пишетъ много матеріала, при этомъ послалъ Матринецу три
тетради, будто бы взятая имъ отъ Веніамина и просилъ скорее возвра-
тить. Сплавъ эти тетради, Матринецъ просилъ ихъ обратно и просилъ
прислать продолженіе; но послѣ оказалось, что Мелхиседекъ увидѣлъ, имѣющіе
его разграблено, Веніаминъ монахъ и не волею, а волею казначей Веніаминъ,
который никакой историкъ не писалъ и никакихъ книгъ не имѣлъ; тѣ же три
тетради, которыхъ Мелхиседекъ прислалъ, какъ содѣланныхъ Веніаминъ,
по словамъ почитаемыхъ принадлежащихъ самому Мелхиседеку, который окра-
вилъ эту рукопись и на вопросъ, где взялъ, отвѣчалъ уклончиво и развѣстно. Та-
кимъ образомъ, монахъ Веніаминъ въ письмѣ Мелхиседека къ Матринецу
есть лицо вымышленное. Мелхиседекъ, вторяюще, опасаясь, чтобы Матринецъ,
на правахъ родственника, не присвоилъ себѣ посланныхъ тетрадей, навѣвалъ соб-
ственникомъ имя Веніаминъ выговоръ себя; съ другой стороны, Мелхиседекъ,
какъ писарь-монахъ, съ свойственной этой братіи иерархической скромностью
долженъ открыть свое авторское имя, приписавъ вымышленному лицу
То и другое предположеніе, по мнению Буркова, имѣетъ въ дѣлѣ къ-
скаго же рода эпизодъ повѣрженія Матринецъ рукописи, извѣстной
подъ именемъ Якимовской летописи.

Содержаніе этой летописи раздѣляется на двѣ части,

сравнительно поодорожанію, времени возникновенія и исторической
 вѣстоу. Въ первой части, по слову: „О князяхъ рускихъ старобудныхъ“
 Пётръ монахъ не добръ сведомъ въ, что ся дѣла учавъ славянъ въ Новог-
 родѣ, а свѣдѣтель Токмисль добръ сведомый написаъ говорища о томъ,
 что перавѣщеніи и разселеніи сыновъ и внуковъ Арета два брата княжеска
 брата-Словень и Скиръ-съ вострѣка двинулись на западъ. Скиръ поселился на
 южнѣхъ Арвокало моря и Теркало, а Словень подвинулся еще дальше на западъ,
 въѣхавъ Фракію и Мелитію и отдавъ зде земли сыну своему Батарну,
 самъ двинулся на северъ и основавъ тамъ городъ Славяскъ. Третій братъ
 и старшій родоначальникъ славянъ. Между потомками Словена на
 северъ особенно прославились Вандали своими славными войнами съ-
 стоявшими и чинившимъ внутреннимъ управленіемъ. Третій Вандали, усмиривъ
 непокойныхъ ишадимъ князей Гардарика и Турнигара, раздѣливъ свои
 земли между тремя сыновьями: Изборомъ, Стрипосвѣтомъ и Владимі-
 ромъ, востроилъ шемъ три города и назвалъ каждый именемъ того.
 какому оны должны были принадлежать. Изъ дома Владиміра особен-
 но востроился князь Боривой своими подвѣдами надъ варягами,
 которыхъ онъ завоевалъ Бѣлгійю до рѣки Криени. Запертый вра-
 гами въ крепости, на островѣ р. Криени, Боривой посылаетъ сына Гасто-
 мисла освободить великій городъ отъ варяговъ. Гостомисль, дѣй-
 ствительно, прогоняетъ варяговъ, освобождаетъ славянъ, Русь и отъ
 земли шемъ и, основывая въ домѣхъ вѣнскихъ и внутренней поли-
 тики, строитъ сыну своему Войбору городъ того же имени. Сыновья
 его, однако, скоро умиротворяютъ и остаются три дочери, которыхъ
 онъ выдаетъ за иноземныхъ пословъ. Опасаясь за свой столъ, Госто-
 мисль спрашиваетъ доволъ и вѣнчанъ о наслѣдникѣ. Ему говоритъ,
 что наслѣдуетъ срокъ, прошедемый отъ его крови. Старшіе Госто-
 мисль не вѣрять. Рано, ночью, Гостомисль видѣть сонъ: зде треба его
 средней дочери вѣнчать дерево, покрываетъ тѣлою великій городъ и
 ирмѣтъ плодами всѣхъ его подданныхъ. Вѣнчанъ толкуютъ
 дѣти сонъ такъ, что посолъ его наслѣдуетъ его власть одинъ изъ сно-
 выхъ средней дочери. Объявивъ сонъ и толкованіе его вѣнчанымъ,
 умиротворивъ Гостомисль посылаетъ старѣвшихъ отъ славянъ, Ру-
 си, Гуди, Веси, Мери, Кривичей и Дрѣговичей къ варягамъ просить

князя. После его смерти и прицелъ Рюрикъ съ братьями и родомъ своимъ. Вотъ содержаніе первой части отрывка Акимовской летописи. Изложенная часть не принадлежитъ, собственно, Акимовской летописи, а представляетъ какъ бы введение въ летопись и написана подъ сильными вліяніями польскихъ летописцевъ 17 и 18 вв. Чрезъ понятіе эр, нужно принять во вниманіе анотированія соображенія. Польскіе летописцы, начиная съ Кадлубка, особенно ревностно прилепляли къ историческимъ началамъ Польши летописную фантазію. Кадлубка историческое прошлое польскаго народа восходитъ къ временамъ Аржъ и елосна Явина. Въ тамъ и римлянами польскій народъ, по его увѣреніямъ, ведетъ войны, поражаетъ Александра Македонскаго и вступаютъ въ родственныя связи, династическія, съ домомъ Цезаря. За Кадлубкомъ Кромеръ, Гельскій, Демрошъ и Стрыйковскій къ этимъ летописнымъ фантазіямъ прибавляютъ свои, надбавляя не только свою исторію, но и соседнихъ народовъ небылыми мѣстами и событиями. Вотъ эти-то летописныя басни въ концѣ XVI и въ XVII в. въкрадываются и въ наши отечественныя хронографы; полкая летописная фантазія начинаетъ заражать русскіхъ. Типичнымъ представителемъ вліянія эрй баснословной стороны польскихъ хроникъ служатъ „поврбная летопись отъ начала Россіи до Полтавской битвы“, изданная Лвовымъ; въ ней есть и олицетвореніе народовъ и историческія въ имени мѣсть; есть и сказанія о славянахъ, древностью не уступающія сонованію и внукамъ Аржъ и стремленіе приурочить эти сказанія къ древнему періоду русской исторіи. Подъ такимъ польскимъ вліяніемъ написана и первая часть Акимовской летописи. Такая мѣна, какъ Словенъ, Скиръ, Бастаронъ и Ванданъ есть и въ польскихъ летописныхъ сказаніяхъ. Другія же мѣна, какъ Гардарикъ, Гунгаръ свидѣтельствуютъ о знакомствѣ сочинителя эрй части съ латинскими летописями западныхъ и северо-западныхъ народовъ, какъ въ друиныхъ памятникахъ они не встрѣчаются; а эрй знакомство едва ли могло быть ранее 18 в. Такимъ соображеніемъ, на основаніи которыхъ можно опредѣлить время появленія эрй первой части Акимовской лето-

тиси (концы 17 и начала 18 в.).

Что же касается автора, то имя его, вероятно, навсегда останется неизвестным. Может быть это был и сам Мелхиседек, а может быть и кто другой. Одно можно сказать: это был человек начитанный, а главное хорошо знакомый с польскими летописцами, под влиянием которых он и сам писал.

Вторая часть Якимовской летописи повествует о событиях от Юрия до Владимира св. Внимательно эту часть содержащую достоверные сведения о наших событиях, сошедшая с его исторических размышлений, она изображена у Нестора, определяя порою самый смысл Несторовых замечаний точнее. Матисцев навел эту летопись Якимовский, полагая, что составитель ее был архиеп. Новгородский Иоаким, на основании аналогичных соображений: самая летопись начинается такими словами: „окнядохъ рускихъ... а святѣишъ Иоакимъ до тою доломъ написа“; на тетради, приписанной ему Мелхиседеком, была приписка: „святѣишъ Иоакимъ написа“; наконец, в самой летописи встречаются выражения: „придахомъ, мы же срояхомъ; асидяхомъ, уграхомъ, приидяхомъ“. На основании этих соображений Матисцев счищает составителем ее Иоакима.

По мнению Лавровского, если имя этого автора, за неимением других данных, и автора неизвестным, то значение летописи в этой области, верность сведений о древнейшем быте русского народа и ответственность их изложения остаются вне всякого сомнения. Однако и первоначальный вид ее мы определить не можем, потому что до нас дошел отрывок списка и притом сравнительно позднейшего времени.

§ 18. Особенности Якимовской летописи.

В иероглифической иерографии Якимовская летопись долгое время не была оценена должным образом; на нее снисходительным как на выдумку, не заслуживающую никакого внимания; утверждали даже, что это подделка самого Матисцева. Иначе, под влиянием своего скептического ума, на основании баснословной первой главы и некоторых несомнений с Несторовской летописью 2-й части,

первый сътрахивъ незадуманнымъ пренебреженіемъ заговорилъ о ней: „отакое ишюе отъ ни одного слова не скажешь, сѣмъ въ 1792 г. въ Петербургѣ Рельефъ не утверждалъ вторности ай пустой выдумки? За нинѣшней авторитетъ науки Карамзинъ, вторично, подвѣсивъ Мисера, утверждалъ, что исторія Матвѣева выводитъ съ Акимовской летописью полна многомъ многопутныхъ анекдотовъ, историка которыхъ имъ никогда не узналъ. Тогда же погрѣзъ взяла дрожали на эту летопись Калайдовичъ, Толстой и Погодинъ. Только въ послѣднее время, благодаря трудамъ Ан. Буткова, арх. Макария и особенно Соловьева и Лавровскаго. Этому историческому памятнику отведено надлежащее место въ исторической литературѣ.

Укажемъ теперь на нѣкоторыя особенности, которыми Акимовская летопись отличается отъ Несторовой, — особенности, отличающія поименіемъ, дополненіемъ, но никакъ не противоречіемъ летописцу кievскому.

- 1) Говоря о смерти братьевъ первого русскаго князя, Акимовская летопись добавляетъ, что Рюрикъ въ старости имѣлъ зрѣнїе, не имѣя на себѣ крѣпкой войны. Послѣднїе слова у Нестора нѣтъ; отъ ни слова не говоритъ о томъ, что въ Рюрикъ съ крѣпкой войной имѣлъ соотвѣтъ. Если историкъ, на основаніи молчанія Нестора, не отвергаетъ мирнаго княженія Рюрика, то слова Акимовской летописи только подтверждаютъ, значитъ, правоту имѣющія.
- 2) Въ Акимовской летописи говорится, что Рюрикъ на чей годъ своего княженія переселился изъ Ладоги, старого города, въ возросшій имѣ Новгородъ. Что Ладога — старый городъ, который былъ до Рюрика, что Рюрикъ началъ въ немъ жить, а потомъ уже въ Новгородѣ, — это фактъ, о которомъ не спорятъ. Что же касается времени, то у Нестора сказано только, что Рюрикъ и Уленгъ переселились послѣ смерти братьевъ, но когда — не сказано. Въ братьяхъ Рюрикъ жилъ два года; следовательно, остальные два года Акимовской летописи на столько шире, чѣмъ вторично, насколько можно произвольно допущенное предположеніе, по Несторовой летописи, о переселеніи Рюрика сейчасъ же послѣ

смерти братовъ.

3. Въ Якимовской летописи читаемъ: „посаха (Ворикъ) по вѣнчѣмъ чадѣмъ князю отъ варягъ и славянъ“. Несторъ говоритъ только: „давая мѣстамъ своимъ“. Тамъ князя, здѣсь мѣста. Но вспомнимъ, что Несторовы мѣста въ Договорѣ Олега и Игоря зовутся дѣрзкими князьями; вспомнимъ, что въ этомъ же Договорѣ сѣтъ и славянскихъ племенъ, и тогда прибавка Якимовской летописи „отъ славянъ“ будетъ понятна.

4. Якимовская летопись называетъ Олега дядей Игоря. У Нестора читаемъ такъ: „умершу Ворикови, предѣлъ княженіе свое Омоговѣ, отъ роду сѣмъ суща“. По словамъ Матвѣева въ раскольниковыхъ спискахъ Олегъ Игоря „дядю“ Игоря, а „дядю“ по древне-русскому языку значить дѣда по матери.

5. По Якимовской летописи киевляне, притѣвляемые жаклыскимъ княземъ хазарь, сами просили Ворика прислать... и прислава Аскольда. По Нестору Аскольдъ и Диръ, на пути въ Царьградъ, завладѣли Киевомъ. Слова Якимовской летописи можно такъ объяснить: киевляне жилось худо подъ властью хазарь; они уже давно хорошии приморь призванія, которой совершился переездъ ихъ славяни. По самой Несторовой летописи пріобрѣтеніе Аскольдомъ и Диромъ было такъ легко, что скорѣе они явились друзьями и помощниками, а не врагами-завоевателями.

По Якимовской летописи Аскольдъ правитъ полемъ полянскими и иностранцами. Принимая во вниманіе выраженіе Нестора — Киевляне, сидящіе на горахъ и обычай древнихъ народовъ замаскировать свое названіе отъ неверности, быть сядяръ, это будетъ понятно.

Возвратившись въ Киевъ послѣ похода на Константинополь и крушенія на морѣ, Аскольдъ „посла въ Царьградъ ко царю“. Здѣсь въ летописи пропускъ; поборъ читаемъ: „Михаило же возблагодари Бога, и да въ болгарію“. Еще Матвѣевъ видѣлъ въ этомъ слова указаніе на крещеніе Аскольда и рюсовъ. Это подтверждаютъ византійскіе писатели-современники и позднѣйшіе — Фотій, Контарій, Багрянородный, Кедринъ, Симеоновъ и др. Сказанія использованія по эрму одрому архіеп. Макарія

на матерю," которая по Никоновскому летописцу "была иже иже
преставити втайно".

7. Упомянув о крещении Владимира и Руси, Акимовская
летопись говорит: "царь же Болгарский Симеонъ прислалъ иже
иже и книги доволны". Это слово особенно возбудило сомне-
ние и въ немъ видятъ противники Акимовской летописи
доказательство на подложность, невольность. Какъ можно
допустить такой анахронизмъ? Борисъ умеръ въ 972г., а Вла-
димиръ крестился въ 988г., когда современникомъ ему былъ въ Бол-
гарии узурпаторъ Самуилъ, которому за его войной съ Ви-
занціей вовсе было надо Владимира. Убого понятно, что зѣвотъ
какой никакого анахронизма, нужно знать, что Самуилъ зва-
вался болгарскимъ царемъ, когда были законные наследники
на него, Борисъ и Романъ - бѣгъ Петра I, жившие въ Константи-
нополе; что Борисъ погнался съ войскомъ возвратитъ себѣ
своего отца своего; но было удивъ; что, наконецъ, оставивъ теперь
одного наследника, Романа, по извѣстиямъ Нестора и Зона-
ры, назывався Симеономъ въ честь своего дѣда Симеона Болгар-
ского. Вотъ зѣвотъ-то Симеонъ и могъ прислать "иже и книги" изъ
Болгарии, принявшей уже больше сѣвотъя навадъ християнство
и находившейся въ зависимости отъ Константинопольскаго патрар-
ха.

8. По свидѣтельству Нестора Борисъ и Глебъ родились отъ
болгарки, а по Акимовской летописи - отъ Анны. Какъ
примирить это противорѣчіе, когда Анна сѣвотъ за сестру
византійскаго императора въ Василія и Константина? Сѣвотъ-
ная книга говоритъ, что Глебъ былъ единокровенъ
Борису. Это подтверждаетъ и византійское ихъ любовное илю-
бовное въ немъ двоимъ преимущественно передъ другими лѣвотъ-
ми. Удивъ они въ 1015г. и еще довольно молоденьки; оборотъ
въ жизнеописаніи говорится: "аки цѣвотъ въ юности своей, бѣвотъ
млада и цѣвотъ, млада въ вѣвотъ еще", когда удивъ. А Глебъ самъ
осѣвотъ говорить такъ. словами, когда упоминаютъ удивъ.
дѣвотъ, братіе, являютъ видѣвотъ возрастомъ незрѣлого младавотъ.

Листъ 82

Баша Владиміръ на Анну женился въ 988г. и „по крещеніи отпусти жены отъ себя“, то значить, Борисъ, какъ сдѣлавшу сыномъ Анны не могло бы быть болѣе (1015-388) 24-мѣсь. Тѣмъ въ предсмертной молитвѣ, обращаясь къ матери, называетъ её „госпожей“; Борисъ, по мѣртисѣ „свѣтлая царски“. Эти два выраженія, напомнимъ, по слововоу, имѣютъ царское происхожденіе по матери. Изъ этихъ соображеній выходитъ, что Борисъ и Игорь не могли не быть детьми Анны и что Якимовская мѣртисъ въ данномъ случаѣ права.

Какъ же примирить Анну и болгарку? Обратимся для этого къ мнѣнію Матильды, покоренной Анна не была родной сестрой Василія и Константина. Византійскіе историкъ упоминаетъ о родной и о сестрѣ Евфраніи, вышедшей за германскаго императора Оттона II, ничего не говоря о Аннѣ. Другіе же говорятъ, что была сестрою, но не родною. И вотъ Матильда думаетъ, что такъ какъ ея свѣдѣтельство о братѣ Петрѣ I съ сестрой Ванна II, отца Василія и Константина, тогда это Петр, если только была, должна быть сестрой и Василія и Константина, то только второродной, и жить по причинѣ неурядицъ въ то время въ болгарскомъ царствѣ — въ Константинополѣ. Матильда объясняетъ всего суровѣе и много объяснитъ зѣна первый разъ противорѣчива и въ мѣртисѣ Несѣра и Якимовской мѣртисѣ.

Вотъ и все правдоподобныя особенности Якимовской мѣртисѣ съ Несѣровой, — особенности вовсе не такого свойства, чтобы на основаніи ихъ считать Якимовскую мѣртисъ какою-то подозрительною, да еще подложною памятникомъ; напротивъ, важныя баша по сдѣ, оное неровно указываетъ въ нихъ ясный смыслъ самого Несѣра.

§19. Областные мѣртисѣ.

Съ начала XII в. области, вѣдѣвшія въ составъ Кіевской Державы, мало по малу обособляются, достигаютъ значительной автономіи. Объединенная первы-

и киевскими князьями. Русь снова распадается на ряд областей, играющих самостоятельную роль по отношению к Киеву.

Весь периодический характер свое значение политического центра, который долгое время еще продолжает быть центром культурным.

Важно отметить, что, начиная с XII в. возникает ряд областей, именуемых летописей. Они-то и служат главным источником для истории областно-вечевого периода русской истории. Среди этих областей различают главные: 1) Киевскую, 2) Волыно-галицкую, 3) Новгородскую, 4) Псковскую и 5) Суздальскую и Тверскую.

Киевская летопись. В Ипатьевском списке она начинается с 1102. и оканчивается 1200. До 1102., как известно, в Ипатьевском списке помещена начальная летопись объединенных славянских союзов. Но с этого года Киевская летопись останавливается преимущественно на Киевских событиях. Мы говорим преимущественно, потому что находим события, совершавшиеся в других областях русской. Среди них, есть много событий, которые могли быть записаны только на месте: в Чернигове, Галиче, Новгороде, Полоцке и т.д. Все это ведет к заключению, что и эта Киевская летопись есть та же самая, как и «Повесть временных лет». Автор Киевского свода воспользовался известиями многих местных летописей. С другой стороны, не нужно забывать, что в своде Суздальского свода (Лаврент., Троиц.) сохранилось много сведений, которые относятся к южной Руси и не находясь в южных сводах; но которые южно-русские события излагаются в старинных сводах пространнее, чем в южных. На основании характера Киевской летописи указывает на то, что она является содержанием. Н. И. Костомаров говорит за то, что, как и прежде, и в настоящее время характер изложения событий и разделения всего Киевского летописи на киевского чашей. Погодите поспрашивать точно также. Действительно, южнорусское разделение рассказа мы находим в примечаниях к правлению автора. Это или много отрывка. Летописец говорит о себе

подъ 1171 г. въ разсказъ о перенесеніи изъ Владимиро-ва въ Киевъ грѣ-ла Владимира Мстиславича: „на утрѣ же въ сѣдоту поидохомъ отъ Владимиро-ва изъ Владимиро-ва“. А мы знаемъ, что перенесеніе грѣла было поручено княземъ Глеболомъ друиъ иуршенамъ Персскому Поликарпу и Андреевскому Симеону. Такихъ обра-зовъ, записанныхъ мѣстъ въостъ одинъ изъ нихъ, но о Поликарпѣ говорится въ третьемъ мѣстѣ, а Глебъ, зрѣе отрывокъ мѣстности мѣстъ принадлежатъ Симеону.

Описывая подъ 1151 г. бѣгство Изяслава Мстиславича отъ Юрія, мѣстности говорятъ въ Изяславъ: „и рече слово Юрѣ-же и переке аминь: не идетъ мѣсто головы, ко голо-ва къ мѣсту“; изъ подробностей въ описаніи военныхъ дѣй-ствій видно, что это были военные мѣстности.

Но вѣрнѣе можно приписывать этимъ мѣстностямъ все, что помѣщено въ мѣстности и раздѣлять еѣ, такъ, напр., на нѣсколько частей, какъ дѣлается, напр., Погодинъ. Гораздо удобнѣе занята, разло-женіемъ мѣстности на сѣверную часть, какъ дѣлается это Бѣзруковъ-Романовъ. И Киевская, какъ и „Первоначальная мѣстность“ состоитъ, съ одной стороны, изъ отрывковъ сказаній, а съ другой — изъ част-ныхъ отрывочныхъ извѣстій.

Изъ отрывочныхъ сказаній правдоподобно можно приписать слѣ-дующія:

- 1) Сказаніе о сѣверныхъ мѣстностяхъ, падающихъ съ тѣмъ и възра-ставшихъ р. Волховомъ, а также друиъ издѣлать за горскими и сѣверо-скими мѣстностями. Авторъ говоритъ о сѣвѣ: „примедемъ ли въ Ладону, повѣдама ли Ладоткане“. Трудно допустить, чтобы киевскій мѣ-стности самъ пошелъ въ Ладону, иначе мы имѣли бы много извѣстій о Новгородѣ.
- 2) Сказаніе отъ Изяслава Мстиславича, которое по своимъ призна-камъ было написано его современникомъ, сѣверникомъ и даже сѣвер-никомъ. Въ зрѣе, именно, отрывокъ мы находимъ то указаніе мѣ-стности на свою мѣстность, которое было приведено раньше: „и рече слово Юрѣ, а также и“. Здесь мы совсѣмъ не находимъ много сѣверныхъ равнинъ, дѣлается изъ сѣ. Тисанія, какъ часть попадаются

Взвешивая мнений летописи; из церковных сободей мы имеем
только одно единственное — рассказ об избрании митр. Климента. Все
внимание писателя сосредоточивается на соборах поместных —
на городских князьях и на киевлянах. Впрочем, и в этих рассказах попадаются
ссылки, характеризующие его цельность; такой вставкой можно при-
знать изъяснение об Игоре Ольговиче, замученном в Киеве. С другой
стороны, некоторые по мере дошли до нас в сохранившихся ви-
дах в одном мнении мы читаем, что Ярослав отпустил своих
дочери в Половцы, давши им многие дары, «и так же мы пред-
написали», между тем о них не говорится ни слова.

3. Сказание об убиении Андрея Боголюбского носит на себе все
признаки отдельного сказания. В Ипатьевском списке внизу
страницы в выноске написано: «убиение великого князя Анд-
рея Юрьевича Всеволодовича». Начинается оно, как и все по-
добные повести, похвалою его деятельности (устройство городов
и церквей), а оканчивается молитвенным обращением: «молимся
помиловать братию свою, да подасть им Господь победу на
продвижения, а мирную державу, и царство честно и многобо-
го, во вся вѣки вѣковъ, аминь». Рассказ до такой степени подро-
бен, что предполагается необходимость очевидца. Если мы обратим
внимание на роль в этих делах киевлянина Курюмича, то
невольно должны сделать догадку, что этот рассказ принад-
лежит к югу. Тогда для нас выясняется, почему наиболее по-
пулярный рассказ об этих событиях сохранился в южно-русском
своде (Ипат. св.). При этом, впрочем, сохранился Киевской стр-
аницы восполнялись иными источниками, которые были в ру-
ках автора северного-суздальского свода.

4. Сказание о несчастном походе Игоря Святославича Север-
ского на половцев. В этих же событиях говорит и всякому из-
вестное «слово о полку Игореве». На отрывок этого сказания
в летописи указывают следующие признаки: поход Игоря
1185. Стоит быть всякой связи с предшествующим; начинается
описание отправления Игоря из Новгорода-Северского, а заканчивается
возвращением его из половецкого плена и посещением Яро-

слава Григорьевскаго и Вятрава Кіевского. Все сказаніе проникнуто глаголомъ и мыслію, что въодвѣя оу поганыхъ посланы самими Господомъ за грѣхи нашими: „и се боже казня ны, грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганые, не аки мѣла ихъ, но аки казня и обращающа ны къ покаянію, да выхотимъ востыгнути оу злыхъ своихъ грѣхъ“. Сами Игорь и Ярополкъ также объясняютъ свое въодвѣіе; припоминая взаре на щипъ города Гювѣна, онъ говоритъ: „и ја вся совершивъ ахъ, рече Игорь: недрѣйно ли башать жити; и се нынѣ выхотѣмъ оу Господа, Бога моего“. Подробностъ и точностъ разсказа свидѣтельствуютъ также оу очевидцѣхъ. Но и подробнѣе, то время обозначается не числами мѣсяца, а по годамъ; что указываетъ на то, что разсказчикъ участвовалъ въ походѣ и въ гонимыя числа мѣсяца, и только хорошо помнилъ эти.

Наконецъ, послѣднее оуточненіе сказаніе о постройкѣ Рюриковичъ Богославичемъ каменной стѣны въ Выдубицкомъ Монашескомъ монастырѣ, написанъ, по всей вѣроятности, въ Выдубицкомъ монастырѣ.

Вся оурабная часть свода наполнена оурабными крапками и въѣрами, написанными, впрочемъ, преимущественно въ Кіевѣ. Оуточнѣннѣе же тѣхъ извѣстій, которыя не могли бытъ записаны въ Кіевѣ, нельзя сказать утвѣдительно, въѣршимы оу авторы Кіевского свода и оу мѣстныхъ мѣстныхъ сводовъ, или же изъ крапчатыхъ погонныхъ записокъ, принадлежащихъ перу одного автора.

§ 20. Волоко-Тамышская летопись.

Въ Ипатьевскомъ спискѣ она начинается оу 1202 года (сейчасъ послѣ Кіевской) и оканчивается 1292г. Впрочемъ, начало ея недошло до насъ; оу него сохранилось только одно заглавіе: „Начало княженія великаго князя Романа, самодержавца вѣвѣна всей руской земли, князя Тамышского“. Волоко за тѣмъ мы тѣрпимъ: „посмерти же великаго князя Романа“... княженія Романа и не оуказываетъ на мѣсто. Эта летопись представляетъ исключительное явленіе въ нашей исторіографіи. Она исключительно повѣствуетъ намъ

Волынских и Волыньских дьялах, импортируя совершенно восточную
 Велась отна въ Галицъ и на Волыни; по многоту Кодрешарова,
 раздѣляясь на 2 части; дѣлов. преобладаеъ разсказъ о
 Волынскихъ событіяхъ, съ 1261г. выступаеъ на первый планъ интересъ
 Владимиро-Волынского княжества. По общему многоту она пер-
 вначально была написана безъ годовъ съ претензіей на прогнативъ,
 въ ней были поставлены посылъ, морска дѣль, тѣмъ имѣеъ, ко-
 рѣ присоединило еѣ къ Киевскому свѣду. Въ зрѣеъ имъ находимъ пря-
 мое указаніе въ мѣстѣ: „хронграфу же курка еѣ списази все
 аѣ бывшая овогда же писази въ передная, овогда же высту-
 паѣ въ задная: тобѣи мѣрѣи разумѣеъ; число же мѣрѣи зрѣеъ не пи-
 сано, въ задная вѣнчано: вѣя же мѣрѣи вѣнчано работѣеъ
 рѣеъ“. Дѣйствительно, числа разставлены такъ, что прерываютъ
 связь свѣдѣнъ. Напр., разсказъ подъ 123г. заканчиваеъ
 рѣеъ: „Ванилови же, протавивъ въ Володимирѣ“, а подъ 124г. читаеъ:
 „дѣль тѣмъ на“, подъ 125г. продолженіе прерваннаго разсказа:
 „Богимъ повелѣниимъ приимаѣа князи мѣрѣи въ великий
 значенъ Раминъ и Данилови и Василькови, мѣрѣи дающе“. Оче-
 видно, напечатанный маѣриалъ не давалъ возможности дополнить
 въ годы и погрѣшъ къ нѣсколькимъ годамъ относилъ такое
 событіе, которое совершилосъ въ теченіе одного. Иногда онъ вовсе не
 допускаеъ никакихъ ошибокъ, относя, напр., смерть Романа къ
 1160г., между тѣмъ, какъ онъ жилъ въ 1165г. Выступъ въ зрѣеъ об-
 ращаеъ на себя наше вниманіе отсутствіе краткихъ мѣро-
 писныхъ замѣтокъ, какія попадаются въ значительномъ количе-
 ствѣ въ Киевскомъ и др. свѣдахъ; имъ находимъ въ Волыно-Га-
 личской хроникѣ и пустые годы, или же, болѣе или менѣе,
 обширныя повѣрванія. Изъ нихъ также можно указать
 на нѣсколько отдѣльныхъ сказаній.

1. Сказаніе о битвѣ при Калякѣ, гдѣ авторъ говоритъ о сѣдѣ:
 „вѣя намъ по сѣдѣ же дѣловъ переидшимъ“, судя по сѣдѣ
 въ которой онъ описываетъ о Даниловѣ, можно предположить,
 что онъ былъ галичаниномъ.

2. Сказаніе о Батревѣи намѣсѣи. Здѣсь имъ находимъ

наиболее подробный рассказ о судьбе Киева.

3. Сказание о смерти Владимира Васильевича. Сказав, что Владимир Чюда лежал в войзны, летописец продолжает: „васеку же по сие сказаша“... и дает подробное повествование, написанное, может быть, для его брата Мстислава.

Кроме этого, автор Воинно-Галицкой летописи пользовался и официальными источниками. Под 1289г. мы находим указание об официальном грамоте, в которой в наказание за измену на-мечались на князей и. Берестя некоторых повинности; в дру-гую летопись летописец говорит: „и была король Чорский с бо-манолом и да с ерцу Герцупову за Романа и свориши оубо, сего же да множесю все не списаю“ (Под 1288г. в летописи поминце-но: „князя Володимиря рукописане“ / духовное завещание).

В описании событий видны современники, ибо упоминаются такие подробности, как какой масти была лошадь. Чер-совныя события почти совпадают с летописью, все внимание обращено на два политические. Автор при этом не являе-ся безпристрастным повествователем, а вносит свою субъек-тивную оценку, подчас очень резкую. Изредка Воин-но-Галицкой летописи сильной, образной, картинной. Вот что напр., читаем о Романы: „по смерти же великого князя Романа, припомнятого Сильвертца всея Руси, одолжена велики поганьскими языкомы, чия мучаство ходиша по заповедям Божиим: устрашися быше на поганья, яко левь, сердце же бысть, яко и рось, и пубаше, яко и прокопаше, а приахташе земли их, яко и орель, храбръ до вь, яко и турь“. Воинно-Галицкая летопись замечательна в себе множеством чрезвычайно важных фактов для истории юго-западной Руси в XIII в.; здесь, напр., мы найдем данные для политической истории, экономического положения страны и внутренних бытовых отношений. Мало того, очень важные указания здесь можно найти и для истории соседних на-родов, в частности литовцев; своим. Этого же об являе-мы обязаны почти исключительно Воинно-Галицкой летописи.